

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№ 5 (2) АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 2014

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Волков В. Н.** Постмодерн и его основные характеристики 3
- Вернигорова Е. С.** Категория красоты в искусстве как отражение божественного начала
в эстетической концепции В. С. Соловьёва 9

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Климов А. Г.** Династия Романовых и модернизация в России 12
- Касперович К.К.:** «Красота Алупки, её великолепный дворец, парки
всегда привлекали внимание путешественников...» 18
- Хотько Е. Г.** Характер и формы проявления русской ярмарочной культуры прошлого 26
- Новосельский Е. А.** Опыт интерпретации народного календаря в контексте культурогенеза 30

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

- Иванова-Лукьянова Г. Н.** М. В. Панов в калейдоскопе воспоминаний 38

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Сребрянская Н. А.** О, великий, могучий, многострадальный русский язык! 43

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- Бондарева Н. И.** Малые жанры фольклора на сельской свадьбе в начале XX века 48
- Кузнецова Н. С.** Мифопоэтическая основа южнорусских «кузьмодемьянских» песен 52

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Князева М. Б.** Заимствование элементов военной формы гражданской модой
после Первой мировой войны 57
- Шилова Л. С.** Практики самолечения российского населения 61

- АННОТАЦИИ / SUMMARY** 66

- НАШИ АВТОРЫ** 70

- ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ** 71

Основатели журнала

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — д.филос.н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России.

Редколлегия журнала

Главный редактор — **Ю. А. Лукин**, д.филос.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы России, зав. кафедрой гуманитарных наук АПРИКТ;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Дорогова**, д.филос.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы России, профессор кафедры гуманитарных наук АПРИКТ;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д.филол.н., профессор, Заслуженный работник культуры России, директор центра экспериментальных проектов АПРИКТ;

Директор издательского центра — **М. Г. Кучмаев**, кандидат культурологии, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Е. Д. Дерябина — кандидат культурологии, доцент, проректор по научной работе АПРИКТ;

А. Л. Доброхотов — д.филос.н., профессор, профессор факультета философии ГУ ВШЭ;

В. В. Дуда — и.о. ректора АПРИКТ;

А. Б. Ефимов — д.ф.-м.н., профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, заместитель декана миссионерского факультета по науке ПСТГУ;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви;

О. В. Кучмаева — д.э.н., профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ);

Е. А. Минаев — доктор искусствоведения, зав. кафедрой театрально-зрелищных искусств АПРИКТ;

В. Н. Расторгуев — д.филос.н., профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

В. И. Уральская — к.филос.н., Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Г. А. Цветкова — кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук АПРИКТ;

Ю. М. Чурко — доктор искусствоведения, профессор (Республика Беларусь).

Дизайн — **Ю. Г. Кучмаева**, кандидат культурологии.

В оформлении журнала использованы фрагменты картин художника А.М. Васнецова.

Учредители:

Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (АПРИКТ);

Межрегиональная общественная организация «Общественный диалог»

Издатель: Издательство ФГБОУ ДПО АПРИКТ.

Подписано в печать 27.06.2014. Формат 60х90 1/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: Москва, 123007, ул. 5-я Магистральная, д. 5.

E-mail: knaros@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-57283 от 12.03.2014 г.

Мнения авторов статей не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© Издание ёфицировано, 2014

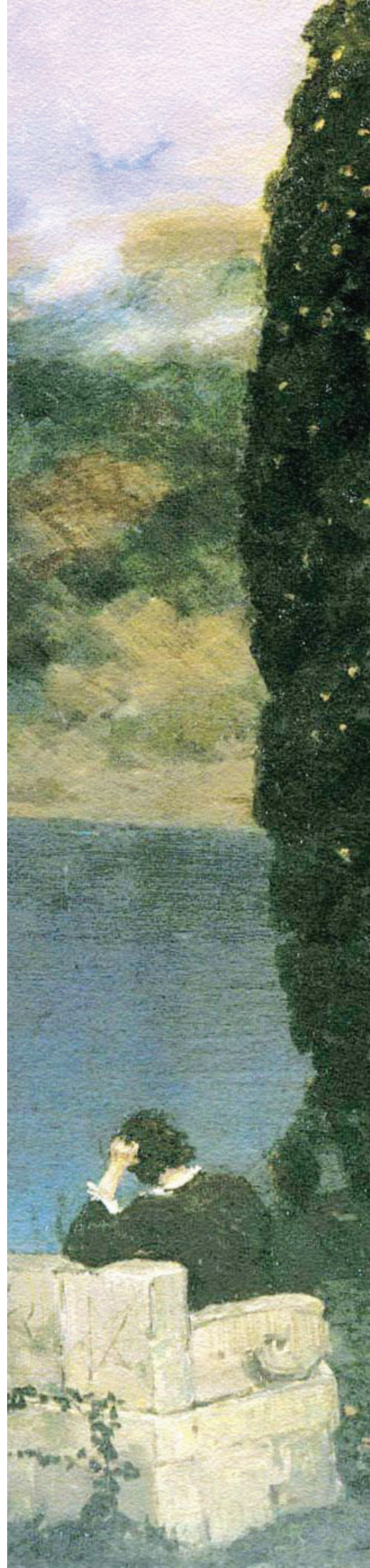
МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Волков В. Н., д.филос.н., проф.

Постмодерн и его основные характеристики

Тема постмодерна чрезвычайно трудна. Создаётся впечатление, что понятие, означающее «постмодерн», свободно плавает, не имея чёткого смысла и связи с чем-то реальным. Тем не менее, можно обрисовать определённый набор культурных событий, имеющих отношение к новой культурной парадигме, и рассмотреть условия, которые приводят к ней. Постмодерн — не термин, который относится либо к обществу в целом, либо к конкретной сфере деятельности. Скорее он относится к системе знаков или символов, которые специфичны во времени и пространстве. Такая система может быть охарактеризована как особый режим, в котором конкретные культурные объекты производятся, распространяются, доставляются и потребляются.

Проблема перехода от модерна к постмодерну — одна из наиболее актуальных в философии, культурологии, социологии, политологии, этике, эстетике середины XX — начала XXI в. За последние несколько десятилетий природа западных обществ разительно изменилась. Социальные теоретики описывают эти изменения с помощью таких понятий, как информационное, потребительское, постиндустриальное, пост-фордистское общество, общество спектакля и др. Социологи, культурологи, философы определяют мир постмодерна с помощью понятий: «капитализм», «потребительство», «средства массовой информации», «новые технологии», «коммуникации», «компьютеризация». При этом сохраняется нечёткость различий между высокой и массовой культурой и, как следствие, склонность к фрагментации

и рекомбинации через «пастиш» и «коллаж». Очевидность фрагментации выявлена в теоретических исследованиях языка, времени, человеческой субъективности и общества. Обозреватели комментируют фрагментацию политических структур и появление политических инициатив, которые проявляют себя в борьбе за тело, гендер, сексуальность, этничность, расу, мир и окружающую среду. И на местном, и на глобальном уровне территория этих новых дискурсов устраняет из традиционной марксистской теории движущие силы общественного развития — концепцию классового конфликта. Становится ясно, что множественность автономных дискурсов и дисперсных «властных» отношений не может быть ныне объяснена с позиций марксистской либо либеральной теорий. Социологическая и культурологическая критика великих социально-философских теорий прошлого становится всё более ожесточённой. Сомнения в том, что Разум и технологические инновации могут гарантировать прогресс, просвещение и всеобщее освобождение, ведут к освобождению от универсальных принципов, теорий и поиска одной Правды, к признанию реальности различий и разнородности. Постмодерн отмечен различными логиками и требует новых эпистемологий, онтологий, социальных теорий.

Концепт Постмодерна имеет множество коннотаций, смысловых оттенков, граней, нюансов. Постмодерн можно понимать как отрицание старого, отжившего, уходящего в прошлое. Постмодерн — это и отказ от модернистской модели мира, образа личности, прежней стратегии жизни, уход в «ризоматическое», «номадическое» существование, характеризующееся неопределённостью и непредопределённостью. В эпоху постмодерна происходит отказ от центральных и сущностных категорий классической философии — объективной реальности, целостности, детерминизма, центрированности, трансцендентального, социального, идеологии, политики, государства, нации, семьи.

В сфере онтологии и гносеологии постмодернизм проявляет себя как отказ от интерпретации мира с позиций объект-субъектной парадигмы, от просвещенческой трактовки знания, разума и истины. В науке отказ от Просвещения доминирует в виде тенденции к теоретическому плюрализму, закрепившему лозунг методологического анархизма «можно всё» (anything

goes) в форме мультипарадигмальности. Принцип кумулятивизма научного знания замещается принципом пролиферации — безграничного умножения теорий, несводимых одна к другой. Представление о принципиальной несоизмеримости теорий релятивизирует научную истину. Углубляется отход от «идолов» Свободы и Прогресса, от «метанарративов» эпохи модерна; возникает неуверенность в том, что «новое» обесценивает «старое»; растёт сомнение в том, что научно-технический прогресс есть безусловное благо, освобождающее человека от нужды, угнетения и предрассудков.

В сфере антропологии переход к постмодерну связан с отказом от модели разумного, самоосновного, автономного человека, свободного в рамках выбора разумной необходимости. Выясняется, что никакой изначальной природы, сущности, нормы у человека нет; человек — продукт подчинения/сопротивления экономическим, социальным, политическим, идеологическим, культурным практикам, формам нормализации. Он не столько результат, сколько процесс. Неотъемлемыми характеристиками перехода к постмодерну становятся: рост личной свободы в неразрывной взаимосвязи с ростом неопределённости и незащищённости; неукоренённость, неспособность контролировать внешние обстоятельства, прогнозировать будущее; отсутствие глобальных смысложизненных целей как у человека, так и у человечества; превалирование краткосрочных и среднесрочных планов над долговременными; разрушение аутентичности и идентичности личности, выбор в качестве стиля жизни ускользающего бытия, существования «здесь и сейчас».

Постмодернизм кардинально переосмысливает социальную сферу: общество рассматривается как фрагментарное, мозаичное, неупорядоченное образование; представление о детерминированности и направленности социального развития сменяется представлениями о его неопределённости и многовариантности; иерархическая центр-периферическая модель мира — представлениями о радикальном многообразии и равноценности всех способов жизни. Отказ от классических форм социального выражает себя в виде симуляции, глобализации, разгосударствления, детерриториализации, диффузии разграничений. Фрагментация модернистской картины мира приводит к дестабилизации социаль-

ного порядка, к уничтожению социального. Вместо социальных групп, классов, наций возникает масса — аналог «чёрной дыры». В этических суждениях и оценках утверждается цинизм, скептицизм, иронизм в их различных ипостасях.

В сфере политики и идеологии переход к постмодерну характеризуется разочарованием масс в политике, распространением доктрины «конца идеологий». Однако идеологии продолжают существовать, хотя и в изменённой форме. Теряет популярность разного рода левая идеология, но укрепляет своё влияние фундаментализм. Альтернативой модернистским политическим доктринам и партийным организациям становятся антивоенное, правозащитное и экологическое движения, течения, отстаивающие интересы этнических, культурных, сексуальных меньшинств, локальных общин и т.п. Электорат как однородная масса, распределяющаяся на большинство и меньшинство вдоль единственной оси: «правые — левые», замещается конгломератом меньшинств, для которых главным в политической борьбе становится право на альтернативный образ жизни. Исчезает рациональная, единая для всего общества идеология («метанарративы»), остаются лишь локальные «мини-концепции».

Постмодернизм констатирует трансформацию таких подсистем общества, как экономика и государство. При этом в экономике главным симптомом отхода от модерна становится консьюмеризм, ставший образом жизни и стратегией поведения на рынке как для масс потребителей, так и для корпораций. Общество производителей уступает место обществу потребителей. Основным объектом интереса, главным объяснительным принципом становится культура, под которой понимается совокупность правил и методик, передающихся и варьирующихся от поколения к поколению. Усиливается тенденция к релятивизации и поливалентности ценностей, деидеологизация и деполитизация, формируется «мультикультурализм». Мышление отказывается от «логоцентризма». Ослабевает тенденция к генерализации, обобщению. Главной формой существования постмодернистской культуры становится эстетическая форма. Эмоциональные и эстетические ориентации приобретают большее значение, чем рациональные.

В сфере национальных и семейных отношений происходит отказ от вечного и бессмерт-

ного, переход к краткосрочному и временному. В процессе интенсивной миграции происходит резкое перемешивание языков, обычаев, традиций, образов и стилей жизни. В результате сексуальной революции и подъёма феминизма разрушаются традиционные формы семейных отношений и начинается поиск нового опыта в области семьи, секса, эротики, любви, возрастает интерес к телесному как полю бесконечных экспериментов. Получают распространение альтернативные формы семьи: неполная, пробная, дислокальная, гомосексуальная и пр. Общественное мнение примиряется с тем, что сексуальная ориентация индивидов одного пола может быть не только различной, но даже непостоянной и неопределённой.

В области этики и эстетики происходит освобождение от нормативно-ценностного, движение к эклектике и симуляции. Происходит переход к плюралистической модели образа жизни, связанного с выбором различных моделей существования: фланёра, туриста, бродяги, игрока. Становится популярной разработка «эстетик существования». В сфере искусства закрепляется практика хепенингов, коллажей, которые расцениваются с точки зрения бренности бытия и интерпретации связи произведения с различными художественными традициями.

Постмодернизм стал возможен потому, что Свобода и Прогресс перестали быть проблемами. Рационализация общества и эмансипация индивида состоялись, хотя результаты этих процессов неожиданны и болезненны для сознания, поглощённого ещё модернистской идеологией: процесс реализации ценностей оказался процессом отчуждения и овеществления. В отрегулированном, автоматизированном обществе массового потребления и «массовой демократии» можно быть скептиком и нигилистом в отношении Свободы и Прогресса. Однако нет нужды быть деятельным и целеустремлённым, потому что из идеологии, ориентирующей мышление на осознанный выбор целей и способов действий, свобода и прогресс превратились в элементы коллективного бессознательного, в интеллектуальные привычки и поведенческие автоматизмы. Из сферы общественного устройства Свобода и Прогресс переключались в сферу повседневности, обустройства быта. Мотивы Свободы и Прогресса больше не определяют выбор политического и экономического

курса, но зато определяют выбор одежды, еды или косметики. Как говорит Зигмунт Бауман, «ощущение свободы — это фактически вовсе не свобода. Люди могут быть довольны своей участью даже при том, что эта участь далека от того, чтобы быть «объективно» удовлетворительной; живя в рабстве, люди чувствуют себя свободными и поэтому не ощущают никаких побуждений освободиться, таким образом, отказываясь от возможности стать истинно свободными или лишаясь её»¹.

Постмодерн характеризуется реализованностью/исчерпанностью ценностей Свободы и Прогресса и наличием системы социальных институтов, сложившихся в качестве форм реализации этих ценностей. Следствием неактуальности модернистских ценностей становится упадок мобилизующей и организующей силы общества как системы институтов. Упадок институционального строя отрефлексирован в социально-философской теории конца XX — начала XXI в. Наиболее ярко эта рефлексия представлена в концепции Жана Франсуа Лиотара, констатировавшего «атомизацию» социального, Зигмунта Баумана, заявившего об «индивидуализированном обществе», и Жана Бодрийяра, провозгласившего «конец социального».

Общество переопределяется. С переходом в новую эпоху, в которой ценности реализованы и потому не актуальны, то, что считается социальной структурой, социальной реальностью, утрачивает устойчивость и определённую, становится эфемерным, нестабильным, парадоксальным, иррациональным. Общество не исчезает, хотя перестаёт быть реальным. Поскольку существо современного общества в реализации ценностей, то образующие социальную реальность так называемые основные подсистемы «общества вообще» — политика, экономика, наука, культура — всего лишь ценностные ориентации эпохи постмодерна. Ведь отнесение к экономике, к политике или искусству определяется вовсе не свойствами вещей, слов или поступков, а отношением к ним либо как жизненно важным, либо как несущественным. Институциональная структура перестаёт быть собственно социальной структурой, но она не исчезает. Этот парадокс объясняется с помощью введённого Бодрийяром понятия «симуляции». Ироничная симуляция институциональных образ-

цов в постмодернистских практиках — это новый модус «бесплотного» существования общества. Концепция симуляции раскрывает социокультурный смысл постмодернизма как отказа от модерна.

Ключевыми характеристиками перехода к постмодерну являются: информационная перенасыщенность, обусловленная развитием новых технологий; изменение характера и статуса знания; противоречивость и многообразие; отсутствие определённости; проблематизация истины и самой реальности; тенденция к превращению знания, информации и любых культурных знаков в товар; рост гедонистических, потребительских настроений; превращение жизни в игру, стилизацию; отказ от принципа иерархии культурных содержаний; свобода выбора как данность, неопределённость и многообразие поведения.

Одной из центральных черт перехода от организованного капитализма к «дезорганизованному капитализму» является переход от промышленного производства к хозяйствам «знаков и пространства», в которых центральную роль играет сфера услуг и хозяйственные отношения, связанные с нематериальными ценностями (например, брендами). Вокруг этих ценностей образуются целые культурные индустрии. Производство дезорганизуется, разносится в пространстве и времени, превращается в гибкую глобальную систему².

Петер Слотердаек отмечает, что в эпоху постмодерна основные силы «девитализации» (семья, государство, армия) создают мощные идеологии «ревитализации» (потребительство, сексизм, спорт, туризм, культ силы, массовую культуру). Но эти массовые «витализмы» утратили тягу к трансцендентному: если сегодня испытывается недостаток в чём-то, то это выражается на языке посюсторонних витальных благ: слишком мало денег, слишком мало свободного времени, слишком мало секса, слишком мало развлечений, слишком мало безопасности и уверенности и т.д. Когда стали говорить о том, что слишком мало смысла, вновь заявил о себе «спрос на религию», спрос, который привёл к появлению процветающих коммерческих предприятий по распродаже смысла, предприятий, которые любую бессмыслицу могут всу-

¹Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 24.

²Лэш С., Урри Дж. Хозяйства знаков и пространства. Введение // Экономическая социология. 2008. № 9. С. 49–55.

читать как изображение пути к здоровью и процветанию³.

Традиционные образы трансцендентного блекнут и уходят, им на смену появляется множество эрзац-трансценденций: бессознательное как индивидуальный и коллективный имманентный потусторонний мир; история как сфера тёмных первоисточников светлого будущего, утраченного богатства или обещанного изобилия, как то, что придаёт нам идентичность и в то же время отнимает её у нас; космические полёты как инфантильно-технологическая и милитаристская «психоделия»; эротика как лабиринт, в котором блуждает множество Я, занятых поиском того Ты, в которое они могли бы «перейти»; наркотики как средство взорвать банальный континуум и отправиться в путешествие по внутренним внешним мирам; искусства как дисциплины, в которых субъекты могут творчески возвыситься до того, чем они «ещё не были», и уйти в царство образов, фантазий, экспрессии; одержимый рекордами спорт как попытка преодолеть повседневные границы телесного движения и возможностей тела; туризм как расширение мира, данного в опыте, и т.п.⁴

В результате возникновения «массовой» покупательной способности у среднего класса наблюдается «демонстративное потребление» роскоши — модных изделий, продуктов питания, транспортных средств. Культ автомобиля отражает причастность всех социальных слоёв к агрессивным и зачастую саморазрушительным «техникам экспансии». Огромное число людей использует свободное время для удовлетворения своих капризов, реализации своих талантов, лечения своих болезней. Внимание, умственные способности, знание инвестируются в оформление жилищ и дачных резиденций. Двигательная энергия преобразуется в спорт, музыку, туризм и многочисленные виды активного отдыха.

В этой ситуации, согласно теоретикам постмодернизма, жизнь превращается в «игру»: человек просто наслаждается жизнью во всём её многообразии, поскольку общество предоставляет ему огромное количество благ и услуг. Человек постмодерна гораздо свободнее, чем люди, жившие в более ранние эпохи. Свобода прояв-

ляется во всём: от образа мысли и способов самовыражения до передвижений по миру и отношений между полами. Однако ничем не ограниченная свобода выбора оборачивается свободой от самого себя — проблемой кризиса идентичности.

В чём же заключается различие модернизма и постмодернизма в трактовке и интерпретации основных философских понятий? Попробуем сформулировать суть этих различий в тезисах.

Реальность. Модернизм: реальность стабильна, целостностна, неизменна. Постмодернизм: реальность изменчива, случайна, процессуальна.

Истина. Модернизм: истина объективна, универсальна, адекватна, самотождественна. Постмодернизм: истина многообразна, плюралистична, относительна, она вырабатывается в рамках дискурсивной практики, нет универсального критерия истины.

Общество. Модернизм: классы, этносы, нации, государства существуют объективно, как и объективные закономерности развития общества, что позволяет прогнозировать развитие социума. Постмодернизм: в постиндустриальном обществе происходит отмирание семьи, нации, государства. Массовая культура и массовое общество основаны на унификации и стандартизации. В условиях глобализации государственные и национальные перегородки утрачивают смысл. Общество развивается непредсказуемо, представить его развитие можно лишь с помощью синергетической модели.

Язык. Модернизм придерживается репрезентативной теории языка, согласно которой реальность посредством языковых обозначений воспроизводится в сознании. Постмодернизм отвергает представление о языке как нейтральном посреднике между реальностью и мышлением. Реальность не выражается в языке или через язык, она конституируется лингвистически, поэтому постмодернизм предпочитает не язык, а текст, письмо, т.е. речь идёт о «текстуализации» реальности.

История. Модернизм мыслит историю как определённую логическую схему, задним числом прилагаемую к реальности. Все события подчиняются жёсткой необходимой связи. Постмодернизм исходит из того, что история представляет собой хаос совершенно случайных событий, не обладающих внутренней связностью,

³Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. С. 431.

⁴Там же. С. 534–535.

не подчиняющихся необходимости, логической последовательности. История — это текст, рассказ, нарратив, повествование, интерпретация, уходящая в бесконечность.

Человек. Модернизм, сохраняя связь с Просвещением, понимает человека как действующее, мыслящее существо, как личность. Постмодернизм утверждает, что человек децентрирован, фрагментирован, имеет множество «Я». Представление о человеке как автономном, самосознающем, самоосновном индивиде, личности, обладающей единством «Я», разрушается.

Мировоззрение. Модернизм претендовал на возможность всеведения. Постмодернизм полагает, что утверждать общие истины — значит навязывать ложную догму. Знание всегда ограничено чем-то сугубо местным и специфическим. Всякое поползновение на всеохватное и связное описание миропорядка представляет собой вымысел, служащий для прикрытия хаоса и орудия подавления, насилия, подчинения.

Повседневность. Модернизм парил над повседневностью, опираясь на метафизику. Постмодернизм ищет основания знания в коммуни-

кации, общении, диалоге действующих эмпирических индивидов. Человеку рекомендовано не строить иллюзии по поводу обретения новых ценностей, а воспринимать жизнь такой, как она есть, без попыток диктовать, какой ей быть. Мир повседневности превратился в главную ценность и тему постмодернистских размышлений.

Постмодерн — это переход от модерна к обществу, которое нам совершенно неизвестно. Мы находимся в состоянии нестабильности и хаоса, плывём по течению к неведомым берегам и не можем сказать ничего внятного в отношении нашего будущего. Это страшит и пугает. Нужно действовать на свой страх и риск, без заранее подготовленных планов, рецептов и долгосрочных программ. Нельзя положиться на государство, нацию, класс, этнос, авторитет, прошлое. Никакая стратегия не является в этих условиях прочной — всё зыбко, туманно, неясно. Но отказ от модерна — это не просто отрицание, но и решимость действовать в ситуации неопределённости и непредсказуемости последствий наших действий. Тем более что жёсткой предопределённости, фатума, рока, судьбы не существует.

Категория красоты в искусстве как отражение божественного начала в эстетической концепции В. С. Соловьёва

В. С. Соловьёв — одна из наиболее значимых фигур в истории русской культуры. В своих работах он рассматривает фундаментальные вопросы философии, религии и эстетики. В трудах его сформулированы многие идеи, в дальнейшем определившие развитие отечественной философской мысли. В частности, это идеи «всеединства», «вселенской теократии», «русской идеи». Попытки В. С. Соловьёва сгладить противоречия между верой и знанием, между религией и наукой придают его взглядам своеобразный характер. Объединяя знания человека, веру, религию, философию и науку, Соловьёв полагал, что таким образом он открывает путь к пониманию сущности человека, не только как существа «познающего», но и как существа, наделённого верой и свободой действий. Его идеи оказали значительное влияние на характер и направление исканий Н. О. Лосского, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и других отечественных философов XX в.

Всецело посвящая себя изучению богословских, философско-гносеологических и этических проблем, В. С. Соловьёв, следуя букве традиции, сложившейся в практике философского познания начиная с античности, понимал, что без законченного сочинения по эстетике невозможно сформировать собственную философскую систему. Полностью завершить оформление собственных эстетических воззрений философ не успел, но его основные идеи заложены в ряде статей, посвящённых русским поэтам.

В понимании В. С. Соловьёва познание красоты — необходимая часть целостного знания. Несмотря на то, что он скептически относился к первым творческим трудам русских символистов, тем не менее, его эстетика послужила теоретической основой многих декадентских течений, в особенности, русской литературы начала XX в.

Современные исследователи обращаются к эстетическим идеям В. С. Соловьёва, рассматривая их как «последний бастион классической эстетики, существовавшей в европейском мире около двух с половиной тысячелетий и опиравшейся на онтологию Прекрасного...»¹

Красота для В. С. Соловьёва — главный признак истинности искусства. Именно в нём могут быть отражены вечные истины бытия. Художник своё созерцание мира воплощает в чувственных формах, тем самым представляет собой «связующее звено, или посредника, между миром вечных идей, или первообразов, и миром вещественных явлений. Художественное творчество, в котором упраздняется противоречие между идеальным и чувственным, между духом и вещью, есть земное подобие творчества божественного, в котором снимаются всякие противоположности и божество проявляется как начало совершённого единства — единство себя и другого»².

В ранний период творчества предметом его философско-эстетического анализа является поэзия, что, в принципе, соответствовало существовавшей в ту историческую эпоху традиции. Его отношение к поэзии как самому богатому источнику постижения жизненных явлений обнаруживается в следующем суждении: «Достоинны изучения сами по себе только человеческая природа и жизнь, а их лучше всего можно узнать в истинных поэтических произведениях»³.

Настоящую красоту в своей концепции В. С. Соловьёв описывает как сияние вечной истины, проявляющейся в поэзии. «Настоящая истинная поэзия — пишет Соловьёв, — требует от

¹ Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 8.

² Там же. С. 492.

³ Соловьёв В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...» М., 1990. С. 156.

своего жреца лишь неограниченной восприимчивости душевного чувства, чутко послушного высшему вдохновению»⁴.

По мнению В. С. Соловьёва, поэт при создании произведения искусства является лишь проводником божественных речей. Признавая А. С. Пушкина «бесспорно умнейшим человеком», В. С. Соловьёв утверждал, что «...настоящая пушкинская поэзия не была делом ума, а зависела от восприимчивости его души к воздействиям из надсознательной области»⁵.

Истинное дело поэзии «не в том, чтобы предаваться произвольным фантазиям, а в том, чтобы провидеть абсолютную правду всего существующего... в этом, собственно и состоит созвучие поэтической души с истинной предметностью, ибо поистине только каждое нераздельно пребывает во всём, но и всё нераздельно присутствует в каждом»⁶.

Отдельное явление в единстве всеобщего в учении Соловьёва В. С. предстаёт как «положительное всеединство». Всеединство — философская концепция, отражающая мир, человека, а также сферы сверхбытия в виде единого целого. Обоснованное выражение этой идеи предполагает постоянное присутствие сверхсущего в структуре сущего. В то же время необходимым условием является представление самого земного во всём многообразии в структуре божественного, порождающего это многообразие. Идея всеединства относится к числу наиболее часто воспроизводящихся причин философствования на протяжении всей истории духовной культуры.

Заслуга В. С. Соловьёва состоит в отстаивании самоценного характера всех сфер знания, включая познание прекрасного. Философ заложил основы наиболее последовательного и оригинального выражения концепции Всеединства в русской религиозной философии. «Я называю истинным, или положительным всеединством такое, — пишет он, — в котором единое существует не за счёт всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои

элементы, осуществляется в них как полнота бытия»⁷.

Раскрытие всеединства, по мнению Соловьёва В. С., возможно только в результате синтеза религии, философии и науки — это и является одним из существенных особенностей его философской системы. Уникальность методологического прочтения основополагающего принципа всеединства заключается в признании равноправия всех существующих методов познания, но только в их собственных границах.

В трёх сущностях «всеединств» или «идеального бытия» выражено у Соловьёва триединство истины, добра и красоты, унаследованное от классической эстетики. «Рассматривая преимущественно со стороны своей внутренней безусловности, как абсолютно желанное или изволяемое, идея есть добро; со стороны полноты обнимаемых ею частных определений, как мыслимое содержание для ума, идея есть истина; наконец, со стороны совершенства или законченности своего воплощения, как реально ощущаемая в чувственном бытии, идея есть красота»⁸.

Трактуя красоту как показатель степени воплощения предвечных идей или их совокупности, Соловьёв практически полностью повторяет основной тезис неоплатонической эстетики: красота в природе «есть воплощение идеи»; «красота есть идея действительно осуществляемая, воплощаемая в мире, прежде всего, человеческого духа». Но только тройная связь: Бога, природы и человека позволит красоте обрести всю полноту своего бытия. Только в познании бытие обретает истину и только в процессе воссоздания и преображения, т.е. творчества, красота осуществляет своё потенциальное «становление».

Красота — божественная сущность, «она таинственна и закрыта божественной завесой («Природа с красоты своей / Покрова снять не позволяет»), но, тем не менее, существует и открывается нам. Красота парадоксальна, так как лежит на грани выразимого и невыразимого. Художник интуитивно раскрывает то, что не поддаётся вербализации...»⁹

⁷ Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х тт. М., 1988. Т. 2. С. 555.

⁸ Там же. С. 362.

⁹ Коба Е. Г. Возможности художественного познания в русской философии рубежа XIX–XX веков: философско-культурологический анализ. Дисс. ... канд. филос. н. Курск, 2004. С. 101.

⁴ Клайн Дж. Л. Гегель и Соловьёв // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 84–93.

⁵ Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. С. 323.

⁶ Там же. С. 405–406.

Высшей степенью земной красоты для В. С. Соловьёва является творение, озарённое божественным светом, божественной премудростью, полное осуществление положительно-го всеединства, взаимодействие духовного и вещественного бытия. По Соловьёву, это основное эстетическое требование, отличающее красоту от истины и добра. Основное условие для существования красоты в мире — её постоянное изменение от менее совершенных форм к более совершенным. Способность к воплощению, усовершенствованию форм в философии Соловьёва получает имя «Софии». Мысля «Софию» как философское понятие, Соловьёв одновременно представлял её совершенно наглядно — в виде прекрасной женщины. Она трижды в течение жизни являлась ему в видениях, о чём он рассказал в поэме «Три свидания»¹⁰.

¹⁰ Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 125.

Путь эстетического познания, познания «Софии», — одна из возможностей человека прийти к Богу. Несомненно, идея «Софии» как методологическое обоснование концепции Всеединства оказала существенное влияние на дальнейшее развитие философской и эстетической мысли.

Подытоживая всё сказанное, касающееся эстетической концепции В. С. Соловьёва, следует отметить, что художественное творчество как земное подобие творчества божественного признаёт недействительным противоречие сверхсущего и сущего, объекта и субъекта, духа и вещи, а главным доказательством истинности произведения искусства, считает выраженность в нём «вечных идей» и божественного света, что проявляется через красоту.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

Климов А. Г., канд. социол. наук

Династия Романовых и модернизация в России

Династия Романовых как значительный феномен истории России в отношении к такому важному для современного состояния культурно-исторической динамики явлению, как процесс модернизации, занимает особенное положение. Оно связано и с непосредственным участием в составляющих её преобразовательных процессах, и с созданием условий жизни общества, конституирующих соответствующую модернизации модель социального порядка. В истории культуры модернизация выступает как системный процесс трансформации социокультурных связей и формирования пост-традиционных моделей социальности. Базисным основанием этого процесса выступает ценность современности, выявляющая актуальность переживаемого времени и ставящая её значимость выше любых иных качественных состояний исторического времени (древности, недавнего прошлого, предстоящего, будущего). Внимание к современности, безусловно, присутствовало и в любой предшествовавший исторический период. Причём, в любой культуре, само наступление модернизации связывалось с рядом изменений и в практике ведения хозяйства (в состоянии экономической системы), и в характере социальной регуляции (что проявлялось в изменениях форм и перераспределениях функций социальных организаций), и построении социальных образований — в их структуре и согласовании составляющих их компонентов.

Для большинства мировых исторически сложившихся социально-политических образований вступление в процесс модернизации знаменовало собой освоение новой модели социального управления: действовавшие прежде системы правовой регуляции дополнялись блоком легитимных положений, обязательных для всех членов общества; устанавливалось конституционное право, которое имело

всеобщий, универсальный характер для всех общественных элементов.

Монархические модели социального порядка, в которых самодержавие выступало и основанием коррекции, и ведущим способом контроля действия правовых способов регуляции¹, уничтожались в революционных процессах радикальных общественных преобразований, либо осваивали это универсальное для всех конституционное право, преобразовывая себя в конституционные монархии.

Династия Романовых, в 2013 г. отметившая четырехсотлетие, интересна тем, что обретая самодержавные позиции в соответствии с соглашением между представителями всех значимых структурных образований российского общества в кризисный период начала XVII в., органично участвовала в процессах общественной жизни России. Она, обеспечивая средствами социокультурного развития (пусть иногда и принимавшими форму репрессивных мер²) нравственное начало, основанное, в первую очередь, на православной этике, осуществляла его не только в гуманитарном развитии России (просвещении, образовании, развитии культуры), но и в политическом строительстве, и в экономическом обустройстве российского государства.

В социологическом смысле, выступая порождением структуры родового строя, династия не стала архаизмом изжитых социальных порядков, но проявилась как деятельный соучастник становления и преобразования российской государственности, экономической жизни страны во всех сложных составляющих её социальной структуры. Это касалось аристократической элиты, ведущей своё существование от родов, утвердившихся в социально-историческом становлении ещё в период раннего феодализма до органично интегрируемого

в общественную жизнь России казачества, изначально в социальной структуре выступавшего как образование маргинальное.

Осознание необходимости модернизации и её осуществление во всемирно-культурном масштабе, включают в себя ряд значимых содержательных переходов, подразделяющих исторические периоды. Они могут быть уподоблены волнам в силу масштабности их проявления, практически, во всех планах жизни людей. Именно понятие «волны» может охватить все направленные и малосвязанные между собой изменения, выражающие подобные переходы. По логическим основаниям мы выделяем в модернизации следующие волновые периоды:

- Новое время как 1-я волна модернизации;
- формирование индустриального общества как подготовка социальной модели общества потребления — 2-я волна модернизации;
- формирование информационного общества потребления — 3-я волна модернизации;
- формирование постмодернистского общества потребления — 4-я волна модернизации;
- становление в обществе постмодерна социальной модели параллельного существования официальных и неофициальных регулятивных механизмов, выступающее необходимым условием существования и развития (5-я, ныне переживаемая волна)³.

Династия Романовых, до февраля 1917 г. легитимно выступавшая ключевым фактором социального управления Россией, активно и непосредственно, участвовала в первых трёх волнах модернизации: в установлении политических, экономических и культурных оснований нового времени; в формировании инфраструктуры общественных хозяйственных связей, соответствующих индустриальному обществу, в формировании оснований информационного общества.

Следующие две волны модернизации несут в своём осуществлении влияния инициированных и поддерживаемых в период правления этой династией направлений общественной жизни. Это касается развития искусства, архитектуры, образования и даже формирования

¹ В современном лексиконе общественных наук проявление правового контекста нередко обозначается как нормативная регуляция, хотя понятие нормативности значительно шире содержания предиката «правовой», ограничиваемого преимущественным действием юридических институтов общества.

² Как это было, например, в использовании для контроля общественного порядка в революции 1905 г. не персонала министерства внутренних дел — полиции, жандармерии, а казачества, представлявшего в России особые сословные войска. Но итоговим результатом этой революции и стала Государственная дума, осуществляющая конституционное право на управленческом уровне, дополнившая уже неэффективный Сенат, утверждённый ещё с петровских времён.

³ Климов А. Г. Культурное наследие: от истории к современности. Проблемы актуальной периодизации // Культурное наследие России. М., 2013. № 2. С. 18–27.

ценностного содержания взаимодействий в культуре повседневности. Примечательно, что перечисленные влияния проявлялись уже вне официально зафиксированного положения Романовых как монархической династии в России, вне и даже вопреки действию официальных социальных институтов власти.

Конечно, анализ влияния династии Романовых на фоне событий, имевших место в России XX–XXI вв., разнородных и, подчас, весьма противоречивых — задача, в рамках отдельной статьи, неосуществимая. Главная задача статьи, во-первых, выделить то содержание, которое было привнесено династией Романовых в процесс модернизации, определило специфику российской модернизации. Во-вторых, выявить особенности осуществления реформационных преобразований и социокультурных изменений в ходе осуществления первых трёх волн модернизации. В-третьих, выявить связанную с влиянием династии Романовых специфику двух последующих волн модернизации.

1. Новое время как 1-я волна модернизации

Социально-динамическое значение современности, особенно в противопоставлении древнейшим и прошлым периодам истории, становится ценностным динамическим фактором общественной жизни в самых различных проявлениях уже с наступлением поздних фаз европейской Реформации. Оно охватывало все стороны жизни.

Это проявлялось как эффект накопленных противоречий между новыми условиями жизни, формами активности социальных субъектов различных уровней и миром традиционного. К новым формам можно отнести и проявления этикета, и образцы поведения в культуре повседневности, и особенности различных форм искусства, и даже специфику используемых технологий. С первой волной модернизации связано формирование институциональной и организационной баз, осуществление нового политического порядка, действие новых экономических механизмов и новых форм культуры (ценностных образцов, моделей поведения, эстетической среды и этического поля, составляющих условия замещения традиционных моделей образцами нового порядка). Обязательному преобразованию под-

вергаются производство, вооружённые силы, межкультурные взаимодействия (как в торгово-экономической, так и в политической, т.е. дипломатической сфере), функции и способ социального существования религиозных организаций⁴.

Содержание этих преобразований раскрывается в появлении и распространении новых технологий, новых этических норм, эстетических эталонов, моделей поведения. Причём, особенности этой волны модернизации характеризуются априорно установленной в реальной динамике исторического процесса на уровне категорий оппозицией традиционного и инновационного типов действия. Эта оппозиция, утрачивая своё встроенное противоречие, выражается в контекстах противопоставления нового и старого; прошлого и будущего; актуального и незначимого. В истории модернизации проявление указанных контекстов (оппозиции традиция-инновация) обусловлены двумя доминирующими системными факторами:

– ведущим организующим началом установления и обеспечения социального порядка (в истории России и в истории многих социальных систем, имеющих естественноисторическое происхождение, такое начало является субъектом власти);

– условиями осуществления модернизации, включающими в себя такие разновидности, как исходные условия и условия осуществления изменений:

- характеристики субъекта преобразования,
- объекта или системы трансформации,
- ситуации трансформации.

Для России, вступившей в первую волну модернизации, организующее начало было сконцентрировано в династии Романовых, в монархическом управлении, которое объединило и политическую, и экономическую, и духовную власть, и определяло особенность отечественной модернизации.

Как это ни парадоксально, но ключевым событием истории династии Романовых становится раскол между последователями Патриарха

⁴В истории Европы этот аспект проявился в период Реформации, которая обеспечила не только сообразную времени редакцию христианского вероучения, но и подготовила нравственный климат Новой культуры, формирующихся в модернизации образцов социокультурного взаимодействия.

Никона и старообрядцами. Поводом этому послужила реформа богослужения и приведения в порядок церковной литературы, в первую очередь — богослужебной (литургической). Здесь проявился и выводимый из родственных отношений патриарха и нового царя теократический характер установленной династии, и особенная связь монаршего единоначалия в династии Романовых с состоянием церковной власти.

Задачи обеспечения политической и экономической интеграции в России уже тогда определялись именно масштабностью предмета управления, превращавшегося в процессе модернизации в объект и систему модернизации.

Специфика ситуации трансформации уже в период первой волны модернизации (и во всех последующих изменениях) состояла в том, что действия верховной власти, сколь ничтожной и вредоносной она ни выставлялась бы в критических нападках современников и комментаторов истории, выражались в том, что «догоняющий» характер преобразований нёс в себе «опережающее начало». Предупреждая возмущения, которые появлялись по мере внедрения тех или иных изменений в ходе какой-либо модернизирующей реформы, власть была вынуждена делать, и делала так, что неизбежные негативные последствия хоть в некоторой степени, но смягчались.

2. Формирование индустриального общества как подготовка социальной модели общества потребления: 2-я волна модернизации

Экономическая политика России уже в XVII в. закладывала основы индустриального производства. Поддержка промышленности: горного дела, металлургии, текстильного производства, с XVIII в. производства фарфора (мануфактуры Гарднера в Вербилках с 1776 г., фаянса — фабрика Грбенщикова, открытая в 1724 и т.п.), формировали базу, обеспечивающую необходимые производственные мощности для наступления общества «потребления».

Так, формирование экономической базы модернизации, определявшееся развитием добычи полезных ископаемых (железная руда, медь, серебро, уральское золото) и совершенствованием международной торговли через учреждение торговых палат, обществ, компаний, по сути, определявших утверждение и разви-

тие в России биржевого капитала, благодаря включению влияния монаршей власти, приобретало государственнический, этатический характер. И это при том, что широко используемые средства управления ограничивались варьированием налогообложения и предоставлением государственных привилегий как на определённые виды деятельности, так и на освоение определённых регионов.

Конечно, по социальным показателям потребление России приблизилось к критериям потребительского общества лишь к концу первого десятилетия XX в., причём поражение в японской войне и последующие революционные события лишь замедляли рост общего благосостояния. Но успехи экономического управления определяли то обстоятельство, что по характеристикам потребления период перед I мировой войной стал образцом благополучия, который использовался как критерий в последующие десятилетия экономического развития страны в условиях плановой социалистической экономики.

Весьма важным обстоятельством выступало то, что формируемые в длительной индустриализации основания будущего общества потребления неизменно были подвержены нравственному влиянию, этической регуляции, осуществляемой именно через модель единоначалия, осуществлённую в период правления династии Романовых.

3. Формирование информационного общества потребления: 3-я волна модернизации

В объективном анализе исторических обстоятельств и социокультурных эффектов важно различать то, что происходило во время монархического правления Романовых, и то, что было связано с управлением Россией этой династией.

Кроме того, становление и совершенствование институтов образования в ходе модернизации было необходимым и неизбежным. Государственное участие в этом процессе при династии Романовых начиналось с классических моделей светского образования (от Царскосельского лицея к нормативным требованиям программ гимназий). Оно способствовало и успешному внедрению специализированного (военного, кадетского, соответствовавшего мужскому типу аристократического образования) и ремесленного (трудового),

с последующим утверждением политехнического образования, принцип которого был доведён до совершенства уже в высшей школе советского периода.

Такое же неспецифическое влияние оказывалось через содействие развитию высшего, университетского образования (начиная с Санкт-Петербургского университета, и, завершая установлением университетских автономий в реформах 1860-х, доведённых до совершенства уже в конституционных постановлениях, вызванных событиями 1905 г.).

Влияние верховной власти на формирование и состояние информационного поля, представленного в те времена периодическими изданиями (от газет до «толстых» журналов) осуществлялось только через цензуру. Причём её органы подчинялись не монархии, а министерству внутренних дел (или соответствующему отделению ведавшей государственной безопасностью жандармерии), или же — через цензорский комитет Синода.

Сами монархи, как и члены императорских фамилий, конечно, поддерживали отдельные издания и определённых деятелей культуры, но такое «верховное» меценатство неизменно отличалось соответствием поддерживаемых направлений магистральным направлениям развития культуры и искусства. Учреждение и поддержка ориентированных на классические образцы академий искусств, организация выставочных комитетов, комиссий и обществ по научным исследованиям и целевым образовательным и гуманитарным проектам составляли другой, организационный план формирования информационного общества в третьей волне модернизации в России.

Отдельно следует отметить поддержку технологических проектов и научных разработок, обеспечивающих развитие новых форм коммуникации (заинтересованность Романовых в развитии телеграфа, радио, содействовавшая успешному внедрению этих нововведений в средства связи), и, таким образом, определявшие новые линии создания и использования информационных продуктов потребления.

4. Формирование постмодернистского общества потребления (4-я волна модернизации) и становление социальной модели параллельного существования официальных и неофициальных

циальных регулятивных механизмов, как условие общественного существования и развития (5-я, ныне переживаемая волна)

Выступая в качестве властной элиты, династия Романовых не могла не замечать и не анализировать кризисные явления в жизни России. Её действия по преодолению причин кризисных явлений, работа по формированию благоприятных условий общественной и культурной жизни российского государства, которые не всегда соответствовали критериям эффективности (рациональности), составляют то единственное основание оценки её участия в модернизации, особенно в тех процессах, которые разворачивались после революции. Здесь важно отметить, что сохраняющаяся ещё в отечественном постмодернистском обществе потребления ориентация на сохранение собственного, конкурентоспособного продукта, является не только осуществлением абстрактного принципа экономической безопасности государства, но и проявлением уже упоминавшейся ценности государственности, которая активно утверждалась в царствование династии Романовых.

Законодательство, представлявшее легитимное оформление участия династии Романовых в управлении, было реализовано в «Учреждении об Императорской фамилии», изданном в правление Павла I в 1797 г. Одновременно с актом о престолонаследии, доработанном уже в царствование Александра III, принятом 2 июля 1886 г. содержание данного документа корректировалось. Так, в 1893 г. указом императора было постановлено, что «никто из членов императорского дома не может вступать в брак с лицом, не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому». Это, по сути, соответствовало запрету морганатических браков для представителей императорской фамилии (заключение подобного брака предполагало лишение вступившего в брак статуса и общественных привилегий, предполагавшихся для членов императорской фамилии)⁵.

Влияние династии Романовых на переживаемую ныне пятую волну модернизации осуществляется через признание необходимости

⁵ Императорская фамилия. Д. И. Исмаил-Заде // Российский императорский дом (Дневники. Письма. Фотографии). М., 1992. С. 121–154.

согласования интересов и мнений, попыток использования в качестве образцов, выработанных в период правления этой династии, средств урегулирования противоречий (взять хотя бы часто применяемую модель согласительной комиссии).

До сих пор в условиях современной российской демократии остаётся важным принцип «форм гражданского представительства». Этот принцип опирается на существовавшее в прошлом требование учёта интересов всех сословий общества при решении жизненно важных для России вопросов, как то: крестьян, мещан, купечества как представителей не толь-

ко торгового, но и промышленного капитала, духовенства, дворянства ⁶.

Практически безоговорочно признаются успехи построения системы земского управления, опыт которого для приведения в соответствие действий региональных и федеральных властей представляет исключительную ценность в современном государственном управлении России.

⁶Только в правление Павла I было устранено противоречие между представительским положением высших аристократических родов и других категорий дворянства, работа по преодолению которого была начата ещё реформами Петра I.

Касперович К. К.: «Красота Алупки, её великолепный дворец, парки всегда привлекали внимание путешественников...»

Предлагаем вашему вниманию интервью с заместителем директора Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника, заслуженным работником культуры Украины и АР Крым Константином Константиновичем Касперовичем о истории, современности и будущем одного из известнейших творений дворцово-паркового искусства.

Интервью брала д.экон.н., профессор Кучмаева Оксана Викторовна.

— **Константин Константинович, скажите, пожалуйста, в чем Вам видится специфика Алупкинского дворца-музея?**

— Специфика дворца-музея связана с его историей. Алупкинский дворец и окружающее его садово-парковое пространство представляло собой культурный очаг, созданный усилиями нескольких поколений Воронцовых, Шуваловых, Воронцовых-Дашковых. История бытования Воронцовского дворца в Алупке сложная.

— **Как Вам кажется, возвращаясь к владельцам этого дворца, его хозяевами были люди достаточно известные, не только состоятельные, но, если говорить современным языком, люди, сделавшие карьеру? Это были люди со статусом, с определёнными жизненными устремлениями. Их образ жизни, эстетические вкусы оказали какое-то влияние на формирование облика дворца?**

— Если говорить о Михаиле Семёновиче Воронцове, то он, конечно, воплотил здесь свои взгляды и вкусы, хотя архитектурно-художественный замысел был определён и реализован не сразу. Основная резиденция его как губернатора была в Одессе — центре Новороссийского края. Здесь, в Алупке, был задуман майорат, т.е. имение на английский манер, которое передаётся по наследству по мужской линии. Первоначальный проект был выполнен английским архитектором Томасом Харрисоном и представлял собой классическую загородную виллу, тремя террасами спускающуюся к морю.

Строительство дворца началось в 1828 г., однако в 1832 г. строительные работы были приостановлены и к новому этапу работы по проектированию дворца был привлечён известный английский архитектор Эдуард Блор. Он получил заказ от М. С. Воронцова в апреле 1832 г. в Вилтонхаузе, который с середины XVI в. принадлежал английским аристократам Пемброкам. В собрании Алупкинського дворца-музея есть акварельный эскиз Э. Блора. На этом эскизе изображён южный фасад Алупкинського замка в окружении гор и зелени. Построенный дворец впечатлял не менее, чем его живописный прототип. Каждый корпус дворца напоминал определённую эпоху в английской архитектуре: западная часть с её башнями и оборонительными стенами — феодальный замок XIV–XV вв., главный корпус —

Южный фасад дворца

изысканное здание, построенное в елизаветинском стиле. Центром композиции южного фасада Э. Блор замыслил нишу, в облике которой достиг гармоничного сочетания восточной и западной архитектуры. По силуэту портал напоминает одновременно вход в капеллу святого Георгия в Виндзоре и портал мечети Джами Масджид в старом Дели.

— *Я могу ошибаться, но, кажется, архитектор даже ни разу не был здесь?*

— Действительно, не был.

— *Однако ему настолько удалось привязать здание к ландшафту, что это просто поражает.*

— Действительно, дворец, парк и прибрежные скалы составляют единый художественный образ. Архитектору, несомненно, удалось вписать весь дворцовый комплекс в природный ландшафт. Блор был архитектор-романтик. Он иллюстрировал двухтомный альбом «Провинциальные древности и живописные виды Шотландии» и издал его вместе со своим другом Вальтером Скоттом. Будучи талантливым профессиональным рисовальщиком, Блор при создании проектов использовал различные архитектурные импровизации, но при этом никогда не проявлял себя как плагиатор.

— *Владельцы этого замка, видимо, оказывали какое-то влияние на жизнь местного сообщества: на Алуку, на крымское побережье, на развитие территории?*

— Михаил Семёнович Воронцов активно развивал Новороссию, в том числе Таврическую губернию и Южный берег Крыма. Первый пароход по Днепру был спущен на воду стараниями Воронцова. Ему принадлежит исключительная роль в становлении и развитии городов Одессы, Бердянска, Ейска, Херсона, Николаева. В Крыму получили развитие виноделие и овцеводство, была проложена дорога на Севастополь. Ялта получила статус города. Это случилось в 1837 г., когда Крым посетили Император Николай I, императрица Александра Федоровна, наследник Цесаревич Александр Николаевич и Великая княжна Мария Николаевна. Царская семья и сопровождавшая её многочисленная свита и гости, среди которых были два иностранных принца, стали первыми посетителями Воронцовского дворца в Алуке. Секретарь Цесаревича, Семён Алексеевич Юрьевич, выражая общий восторг от дворца и окрестностей, запи-

Касперович К.К.

сал в своём дневнике пророческие строки: «Дом этот, стоящий несколько миллионов, будут нарочно со временем приезжать посмотреть, как ездят смотреть в Англии замки богатых лордов, которых он в некотором роде есть подражание». Так С.А. Юрьевич 177 лет тому назад, когда строительство дворца ещё не завершилось, сумел разглядеть в диковинном Алукинском замке контуры будущего музея.

— *Что означает надпись на Южном фасаде дворца?*

— В 1844 г. на фризе ниши появилась надпись на арабском языке, шесть раз повторяющая изречение: «Нет победителя кроме Всевышнего» и эту часть дворца стали называть Альгамброй. Происхождение надписи связывают с находящейся на юге Испании арабской крепостью XIII в. История сохранила рассказ о том, как правитель Гренады халиф Мухаммед I, проводя миролюбивую политику, обязался стать союзником испанского короля. Этим он спас Гренаду от разорения испанскими рыцарями, но в 1248 г. был вынужден участвовать, согласно договору, во взятии королевскими войсками арабской Севильи. В Гренаде он был встречен с триумфом, на многочисленных арках было написано слово «Халиб» (победитель). Но Мухаммед

Крюгер Ф. Портрет светлейшего князя, фельдмаршала М. С. Воронцова

воскликнул перед собравшимся народом: «Нет победителя, кроме Всевышнего!». Позже он построил крепость Альгамбру. На стенах всех её помещений сотни раз повторено изречение Мухаммеда, ставшее своего рода девизом. Кроме этой надписи, являющейся в нише южного фасада чисто декоративным элементом, никакого сходства с Альгамброй у Алушкинского дворца нет. На чертежах Блора эта надпись отсутствует. Появилась она сразу после назначения М. С. Воронцова царским наместником на Кавказ.

— Развитие паркового искусства... Это тоже заслуга Воронцовых? До этого, ведь, в Крыму особо парками никто не занимался.

— С именем М. С. Воронцова связан период активного усадебного строительства, паркостроения, становления ботанического сада.

— А кипарис? Как символ он присутствует на всех фотографиях, ещё в советские годы — «кипарис на фоне моря». Он же завезённый?

— Кипарис завезли архипелажные греки. Во времена тавров южнобережный ландшафт был иной — огромные нагромождения скал и камней.

— Получается даже облик нынешнего Крыма — он изменённый, по сути.

— Академик Олег Николаевич Трубачёв в третьем номере Вестника Российской Академии наук за март 2001 г. поместил своё эссе под названием «Предыстория одной книги». Он, в частности, пишет о презентации своей книги «INDOARICA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь», которая состоялась в Ялте в октябре 1999 г. в рамках конференции «Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество». Академик Трубачёв посвятил свою книгу, состоящую из научных статей, художнику-реставратору Воронцовского дворца Леониду Николаевичу Тимофееву, которого тоже влекли тавры, но под другим, художественно-историческим углом зрения. Форзац книги украшен его акварельно-реконструкцией доалупкинской древности Южного Крыма: огни тавров, греческие галеры у берегов, прибрежные хаосы камней...

— Скажите, пожалуйста, Константин Константинович, а кто был в качестве гостей этого имения?

— Красота Алушки, её великолепный дворец, парки всегда привлекали внимание путешественников, среди которых было много иностранцев. Одним из них был швейцарский учёный, француз по происхождению, Дюбуа де Монпере. Он посетил Алушку в 1833 г. и, поражённый её необычным рельефом, составил геологическую карту «Большого Хаоса», включённого в систему Верхнего парка, где учёный также старательно искал следы прошлого. Его соотечественник К. Монтандон на Крым смотрел совершенно иными глазами. В 1834 г. он издал «Путеводитель путешественника по Крыму», содержащий разнообразный справочный материал, таблицы, расчёты, а также описание трёх маршрутов путешествия по полуострову. Несмотря на обилие подробностей, путеводитель, в целом, был произведением художественным, написанным в стиле сентиментального путешествия и содержал поэтические очерки каждого из увиденных мест. Алушка не была исключением. В этот же 1834 г. по Крыму путешествовал маршал Мармон, он же герцог Рагузский, не преминувший в своих записках рассказать о посещении Алушки — «резиденции и любимом месте графа Воронцова». «Дом, в котором живут теперь, только временный,— уточ-

нял герцог, — начат другой в самых обширных размерах. Это великолепное жилище напомнит прекраснейшие замки Англии, где принят для них стиль готический. Здесь все предположено в самом обширном виде. Это будет достойное жилище создателя Крыма, и приличное главное место огромного имения, вдруг возникшего на здешнем берегу прозорливостью и просвещённой деятельностью». Речь шла о строящемся в Алупке дворце, с середины XX в. ставшем объектом показа для сотен тысяч отечественных и зарубежных туристов.

Забегая вперёд, хочется отметить, что в наше время Алупку посетили многие потомки Воронцовых-Дашковых — Мария Николаевна Апраксина, Владимир Николаевич Котляревский, Александр Никитович Романов, Анна Ивановна Вяземская, Семён Михайлович и Александр Илларионович Воронцовы-Дашковы. Для них Воронцовский дворец явился обрётённым образом Родины. Не случайно князь Александр Александрович Трубецкой во время его пребывания в Крыму в 2008 г. на встрече в Алупке подчёркивал, что визит потомков русской эмиграции первой волны на южный берег имеет характер, прежде всего, паломничества.

В XIX в. все было совершенно иначе: количество посетителей дворца исчислялось единицами и десятками в год, и лишь однажды достигло тысячи человек. Это произошло в 1837 г., когда состоялся знаменитый приезд в Крым императора Николая I после военных манёвров в Вознесенске.

Подробное описание внешнего облика дворца, его убранства можно найти в заметках и дневниках путешественников 30–40-х гг. XIX в., но все это носит единичный характер. Гораздо больше посетителей во дворце было в конце 50-х — начале 80-х гг. XIX столетия, когда здесь жил св. князь Семён Михайлович Воронцов с супругой, знаменитой петербургской красавицей, светской львицей Марией Васильевной, урождённой княжной Трубецкой. Очевидно, по её желанию появился «Журнал», в котором гости и посетители дворца должны были непременно оставить свою роспись. Этот уникальный документ эпохи сейчас тщательно изучается.

Для нас особый интерес представляют подписи иностранцев, в разное время посетивших алупкинский замок Воронцовых. Так 21 апреля 1858 г. свою роспись оставили представители

австро-венгерской аристократии — граф Юлий Каролай, граф Евгений Зичи и графиня Закернау. Возможно, они приехали сюда по рекомендации сестры княгини М. В. Воронцовой графини Веры Эстергази. Её визит в Алупку состоялся в декабре этого же года, об чем свидетельствует запись: «Граф и графиня Эстергази с ними дети от двух до пяти лет. Всего семь человек». В журнале в 1858 г. расписались: капитан из Нью-Йорка Дж. Казар; неаполитанский генеральный консул Вердипуа и прибывший с ним негоциант Джоргули; в 1859 г. — г-жа Л. Хэмбуш из Англии; г-н Джулин из Берлина; в 1860 г. — французская графиня Мария Безансон; поляки Чернецкие. 1 июля 1873 г. во дворце побывал представитель Ирландии Вильям Арондал с супругой.

Сведения о посещении дворца высокими представителями иностранных государств мы находим в воспоминаниях современников. Так, близкий к Воронцовым Э. С. Андриевский в своих записках упоминает, что в 1867 г. св. княгиня Мария Васильевна Воронцова принимала в Алупке турецкого дипломата, известного умницу Фуад-Пашу и «расходилась в любезности до высшей степени своего знания», очаровала

Голубая гостиная

она и посетившего её в 1873 г. бразильского императора Дон-Педро.

В 80–90-е гг. XIX в. жизнь в Алупкинском замке замерла. Новые владельцы графы Шуваловы гостей почти не принимали, да и жили большей частью в Петербурге или за границей. Дворец посетителям показывал местный татарин, издавна служивший у Воронцовых дворецким. Были ли среди путешественников и туристов иностранцы, утверждать трудно.

В начале XX в. хозяйкой дворца стала внучка М. С. Воронцова, графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова, урождённая графиня Шувалова. Большое семейство её, состоявшее из 8 взрослых детей и 32 внуков, заполнило многочисленные помещения дворца. Во дворце посторонних принимали редко, к иностранцам интереса вообще не проявляли. Воронцовы-Дашковы придерживались русской ориентации, как в политике, так и в образе жизни. Их положение в обществе было чрезвычайно высоким. Илларион Иванович Воронцов-Дашков был личным другом Александра III, он служил Министром двора, а оставил службу в 1915 г., будучи наместником на Кавказе. Годом позже он умер у себя в спальне здесь, в Алупке. Его жена Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова, эмигрировала через три года после смерти своего 80-летнего мужа и её прах покоится ныне на фамильном кладбище Шуваловых в Висбадене. Такова история имения до революционных событий начала XX в. в нашей стране.

— **Какова была судьба музея-усадьбы после революции и Гражданской войны?**

— Взять хотя бы период коллективизации и национализации в первые годы Советской власти южнобережных имений, принадлежавших крупным землевладельцам. Благодаря тому, что Воронцовский дворец вошёл в состав Крымских музеев в августе 1921 г., было предотвращено его полное разграбление. В условиях голода, нищеты, торжествующего невежества сохранялись и создавались музейные экспозиции. Вопреки господствующему духу времени удалось отстоять замысел создания музея. Сегодня трудно представить каковы были те «тесные обстоятельства», в которых трудились музейные работники в 20-е — 40-е гг. Важно помнить их имена: руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов, директор музея Сергей Дмитриевич Ширияев, научные сотрудники Ма-

Щеколдин С.Г.

карий Михайлович Боборыкин, Владимир Семёнович Ярошевский, Анатолий Григорьевич Коренев, Степан Григорьевич Щеколдин и многие другие. Судьба этих людей оказалась связанной с Алупкинским дворцом-музеем в наиболее драматичные периоды его истории, а их преданность музейному делу во многом определяет специфику нашего музея.

— **А если вернуться назад в 20-е годы. Вы говорите, что в 1921 г. был создан музей. А не было ли каких-то попыток в эти смутные годы разворовать коллекцию? Вывезти что-то?**

— Летом 1920 г. последняя владелица Алупкинского майората Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова навсегда покинула Родину. Огромное имение, великолепный парк, дворец с ценнейшим собранием картин, гравюр, книг, предметов прикладного искусства — лишились своих хозяев. Бывшие служащие и, прежде всего, управляющий имением А. А. Фетисов взяли на себя заботу по охране имения и его художественных ценностей. В условиях бесхозяйственности и бандитизма осуществлять охрану было сложно: не хватало людей, не было оружия. Фетисов не раз обращался к жителям Алупки с призывом: «проявлять себя гражданами, но не расхитителями собственности».

— **То есть он здесь работал ещё с царского времени? И до какого года он проработал?**

— После национализации имения в 1921 г. и передачи дворца в Управление Южнобережными Советскими хозяйствами Крыма (Южсовхоз) служащие имения ещё долгое время трудились на своих рабочих местах. В ноябре 1920 г. был организован КрымОХРИС — отдел по охране памятников истории и культуры при подотделе искусств отдела музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР. И хотя уже 11 августа 1921 г. Воронцовский дворец вошёл в его состав в качестве музея, фактическое открытие состоялось только через год в марте 1922 г. Голод в Крыму зимой 1922 г. обострил проблему принадлежности дворца в Алушке. ВЦИК, войдя в бедственное положение сотрудников музея (им было отказано в госфинансировании), организовал в июле 1922 г. дом отдыха во флигеле, на 20 человек. В июле 1923 г. Алупинский музей был внесён в списки музеев, находящихся в ведении Главнауки Наркомпроса, состоящих на госбюджете. В 1924 г. были попытки передачи в ведение Крымсовнаркома в качестве курортного фонда Воронцовского дворца в Алушке для устройства там домов отдыха. 1925 г. можно считать переломным в истории музея. После проведения в январе 1925 г. конференции музейных работников Крыма был снят вопрос о превращении музея в санаторий. Директором музея был назначен опытный музейный работник, обладавший большими знаниями в области искусства и культуры, Сергей Дмитриевич Ширяев. Под его руководством была создана первая научная экспозиция музея. Ширяев издал книгу «Алушка, дворец, парк», которая до сих пор пользуется популярностью среди экскурсоводов.

Годы второй мировой войны стали самым напряжённым периодом существования дворца-музея. Благодаря самоотверженной гражданской позиции Степана Гри-

горьевича Щеколдина в 1941 г. был предотвращён взрыв дворца, а в пустых залах, несмотря на оккупацию, была воссоздана музейная экспозиция.

— **Во время войны дворец работал как музейная экспозиция?**

— В период оккупации во дворце был музей. В книге своих воспоминаний «О чем молчат львы» С. Г. Щеколдин описал краткую историю Алупинского дворца-музея в военные годы. Щеколдин остался в музее на свой страх и риск и развернул экспозицию после того, как выбраться из Крыма было уже невозможно.

— **То есть получилось, что экспозицию вывезти не удалось до момента оккупации?**

— Все музейные предметы были упакованы в 144 ящика. Лишь четыре панно Густава Робера, будучи вмонтированы в стены, оставались в опустевшем столовом корпусе. 43 ящика с экспонатами были вывезены в Ялтинский морской порт, а 101 ящик остался в вестибюле, гардеробной, ситцевой, библиотеке. Теплоход «Армения», который должен был вывезти музейные экспонаты, был потоплен фашистами, эвакуация не состоялась.

— **И удалось предотвратить вывоз коллекции в Германию во время войны?**

— Был целый ряд попыток воровства, грабежей, изъятий. Из 43 ящиков, вывезенных в Ялту, семь были разграблены полностью.

Парадная столовая

Часть ящиков удалось перевезти в Алупку, а часть ящиков попала на склад Ялтинского горуправления. В марте 1942 г. германским штабом Розенберга, который ведал вопросами перемещения и учёта захваченных культурных ценностей, была выдана «охранная грамота», документ, согласно которому запрещалось выдавать кому-либо музейные предметы без согласия германского штаба. Летом 1943 г. в музей были возвращены портреты Александра I, Николая I, фамильные портреты Воронцовых и Браницких, которые ранее были изъяты и находились в музее трофеев в Берлине. Немцы самоуверенно считали, что они здесь надолго, навсегда. Однако история распорядилась иначе. В феврале 1945 г., в дни исторической Ялтинской конференции глав правительств трёх союзных держав в Алупкинском дворце размещалась английская делегация во главе с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем. После окончания войны дворец превратился в государственную дачу. Новому поколению музейщиков в 50-е гг. пришлось восстанавливать музей после госдачи НКВД СССР и санатория. Чрезвычайно важно было отыскать и собрать разрозненные экспонаты, которые разлетелись по бескрайним просторам Советского Союза. В 1956 г. после 10-летнего периода забвения в Воронцовском дворце был открыт Государственный музей изобразительных искусств, который в 1958 г. был преобразован в архитектурно-художественный музей. Воссоздание экспозиции дворцового интерьера позволило музею развиваться и постепенно приобрести контуры музеефицированной усадьбы. Дворцу-музею возвращались экспонаты, помещения, целые корпуса и, наконец, парк.

— **Константин Константинович, а как Вам видится будущее развитие музея?**

— Научным коллективом разработана концепция развития музея на долгосрочный период, определены основные подходы к музеефикации объектов и территории музея-заповедника. Музей существенным образом изменил свой облик. Сегодня это уже не только 9 парадных залов, которые были открыты для посетителей в 1956 г. К ним добавился ряд экспозиций и выставочных комплексов. Значительная часть музейных фондов представлена в Массандровском дворце Александра III, который в 1991 г. стал на-

шим филиалом, а в 1992 г. в его стенах была открыта музейная экспозиция.

— **Мне кажется, что в настоящее время и выставок много. Сейчас постоянно работают какие-то экспозиции?**

— Все эти годы мы создавали интерьерные экспозиции. Пример тому — «Дом графа Шувалова». В 1847 г. в западной части Гостевого корпуса архитектор Вильям Гунт оборудовал одноэтажный флигель для семьи дочери Воронцовых — Софьи Михайловны, вышедшей замуж за А. П. Шувалова. Согласно архивным данным здесь находились гостиные, кабинеты, столовая, спальня, подсобные помещения. В отличие от парадных залов дворца, всегда доступных для гостей, в них бывали только очень близкие люди, и сохранялась сугубо интимная, домашняя обстановка. Эти особенности были учтены при создании экспозиции «Дом графа Шувалова». Основу её составляли не выставленные ранее предметы убранства и личные вещи Воронцовых, Шуваловых, Воронцовых-Дашковых.

— **То есть посетители могут познакомиться не только с какой-то парадной стороной жизни русских аристократов, но и в целом понять бытовую сторону жизни? Вы говорили, что у Вас ещё существует экспозиция кухни и квартиры дворецкого...**

— Экспозиция «Воронцовская кухня» расположена в отдельном кухонном здании Хозяйственного двора. Эта часть дворцового комплекса, включавшего в себя многочисленные службы и жилые помещения для слуг, была построена в 1838–1844 гг. Общий характер архитектуры хозяйственных корпусов соответствовал единой художественной и композиционной целостности ансамбля и был выдержан в стиле средневековых английских замков XVI в. В настоящее время в трёх помещениях бывшего кухонного корпуса воссоздан интерьер дворцовой кухни, где тюдоровский стиль угадывается и в конструкции очага, встроенного в южную стену, и в мощении пола грубо обработанными каменными плитами. В целом же кухня имеет «викторианский» облик и обустроена по типу кухни королевского дворца в Брайтоне. Рядом с «Воронцовской кухней» год назад открылась новая экспозиция «Квартира дворецкого». В конце 1840-х гг., после завершения строительства дворца в Алупкинском поместье графа

М. С. Воронцова появился значительный штат прислуги. В её обязанность входило поддержание порядка в господском доме, обслуживание членов графской семьи, бывавших в имении наездами, а также их гостей. Горничные, камердинеры, лакеи, конюхи, кучера и другие, проживали в комнатах второго этажа хозяйственных корпусов. Традиционно слугами мужского пола руководил дворецкий (мажордом, метрдотель, смотритель). Это была главная фигура в управлении всем домашним хозяйством. Дворецкий до тонкости знал все распоряжки, хранил ключи, полностью отвечал за парадную часть дома, столовую и столовое серебро, винный погреб и буфетную. В его функции входила организация званных обедов, подбор вин и доставка продуктов для кухни. Достоинством дворецкого считались пунктуальность, тактичность, преданность господам, способность хранить их тайны. Дворецкому, согласно его положению, полагались лучшие условия проживания. Таковым мог быть небольшой домик на территории имения или отдельная квартира в том же Хозяйственном корпусе.

— **Какие новые экспозиции появятся в будущем?**

— Музеем разработан проект создания парковой экспозиции «Императорский розарий» на территории Массандровского дворца. Царской Массандра стала в 1889 г., когда Удельное ведомство приобрело имение для импера-

тора Александра III у наследников светлейшего князя Семена Михайловича Воронцова. Александр III в 1892 г. поручил академику архитектуры М. Е. Месмахеру, много работавшему в Санкт-Петербурге по заказам царской семьи, реконструировать дворец, увеличить его объём, по-новому распланировать и оформить интерьеры. Согласно архивным данным на разных этапах проектирования и строительства Массандровского дворца планировалось устройство декоративного сада во французском стиле. Это обстоятельство и послужило поводом для разработки концепции создания нового музейного объекта садово-парковой архитектуры, именуемого «Императорский розарий». Когда идея воплотится в жизнь, можно будет говорить о возрождении былой славы Крыма, как цветущего розового сада.

— **Дай Бог все реализовать, чтобы получилось. Может быть, и с финансированием как-то полегчает, и удастся подобрать нужные экспонаты.**

— Дай Бог, конечно. Как писал академик Олег Николаевич Трубачев: «...Эти строки я пишу, дописываю в гостеприимной Алушке... Крымские художественные музеи — это особая тема, достойная прочувствованного похвального слова, и прежде всего — лучший из них, Алушкинский».

— **Спасибо большое, Константин Константинович.**

Воронцовский дворец в Алушке

Характер и формы проявления русской ярмарочной культуры прошлого

В последнее десятилетие в России сохранение и возрождение народных традиций стало важной задачей государственной политики в сфере культуры, что нашло отражение в Федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)». Сохранение культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации, материального и нематериального наследия в культуре России рассматривается в качестве ресурса духовного и экономического развития¹. К числу образцов традиционной народной культуры, который сегодня изучают этнографы, искусствоведы, фольклористы, художники относится ярмарочная культура. В данной статье будет рассмотрен только один аспект ярмарочной культуры — ярмарочный фольклор, а именно «выкрики и зазывы» раешников, балаганщиков, которые, говоря современным языком, можно отнести к особому виду «рекламного творчества».

Ярмарка, помимо продажи необходимых жизненно важных товаров в розницу и оптом, могла одновременно «продавать» услуги развлечений — качелей, балаганов, выступлений петрушечников, раешников, панорамщиков, циркачей, «медвежьих комедиантов», петушиные и гусиные бои и др. Для этого на территории ярмарки существовала целая зрелищно-развлекательная зона. В Нижнем Новгороде, например, под такую территорию была отведена большая улица, которая в народе называлась «весёлая Самокатная». Развлекательная зона выполняла важную функцию по обмену информацией, здесь переплетались и смешивались различные национально-культурные традиции представителей разных стран и народов.

¹ Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)». Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2012. № 186.

Рекламное творчество, как особый вид фольклора, выполняло важную функцию — помогало «продавать» ярмарочные развлечения.

Чтобы привлечь большее число покупателей уже в конце XIX — начале XX в. использовались разные виды рекламы — визуальная и устная. Афиша, как вид визуальной рекламы, была пёстрой и заманчивой, обязательно с повествовательными картинками, нарисованными в расчёте на неграмотных покупателей. По мнению А. Ф. Некрыловой, «цвет, рисунок и подпись — три основных компонента, с помощью которых зримая реклама выполняла на ярмарочной площади свою первостепенную обязанность, — раскрыть содержание объекта и заинтересовать потребителя»². По этой же причине и костюмы зазывал были яркими, броскими, чтобы привлечь внимание к тому, кто продаёт и что рекламирует. С этой же целью украшались и ярмарочные строения — балаганы, качели.

Вот, например, описание одной из афиш кукольного представления: «на огромных вывесках кит проглатывает слона, силач несёт дворец за плечами»³.

«Выкрики и зазывы» относились к виду устной рекламы, которая существовала в двух формах — форме «выкриков» и «прибауток». К «выкрикам» можно отнести простые зазывы вроде: «Лапша, лапшица! Студень свежий, коровий!»⁴. «Огурцы, огурцы зелёные! Картофель молодой!»⁵

Рекламные выкрики второго типа — «прибаутки» — отличались сложным стихотворным

² Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века // Л.: Искусство, 1988. С. 36.

³ Московский городской листок. 6 февраля 1847. № 29.

⁴ Гиляровский В. А. Москва и москвичи // Собрание в четырёх томах М.: Правда, 1989. Т. 4. С. 19–20.

⁵ Дурьлин С. Н. В своём углу. М., 1991. С. 71.

строением. На всех ярмарках и торжках можно было услышать остроумные прибаутки с балагурством продавцов, которые включали в характеристику продаваемого, указание цены и весёлые характеристики продукта:

«Вот так квас –
В самый раз!
Баварский со льдом –
Даром денег не берём!
Пробки рвёт!
Дым идёт!
В нос сшибает!
В рот икает!
Запыпыривай!
Небось,
Этот квас затирался,
Когда белый свет начинался!»⁶

Конечно, такие зазывы покупателей использовались не всегда, для этого требовалось, как отмечает Симаков В. И. «краснобайство и умение складно говорить»⁷, чаще это были короткие, простые зазывы, которые можно было выкрикивать с перерывами. Но, несомненно, такие умельцы-рекламщики обладали великолепным артистизмом.

«Варварушка, подходи,
Да тётку Марью подводи,
У плешивого Ивана
Торговля без обмана.
Он товар продаёт,
Всем придачу даёт:
Пёструю телушку,
Да денег полушку,
С хлебом тридцать амбаров
Да сорок мороженных тараканов,
На прибавку осла
Да бородатого козла»⁸.

Искусство балаганного зазывалы в ярмарочной культуре — особый вид устного рекламного творчества. Первые балаганы на русских ярмарках принадлежали иностранцам. Поэтому балаганные зазывалы были из числа актёров труппы. Но в скором времени, хозяева этих развлечений, пришли к выводу, что большая часть посетителей бывает тогда, когда «слушает» русского балагура-зазывалу.

Балаганные балагуры своим остроумием собирали толпы народа, громкий хохот был наградой такому артисту. В «Северной пчеле» рассказывалось об одном таком выступлении — «каждое телодвижение по нраву — громкий хохот изъясняет всеобщее удовольствие»⁹. Балаганные зазывалы приносили немалую прибыль держателям развлечения, они были значимой фигурой, которая давала доход предпринимателю, именно поэтому каждый балаганщик старался переманить удачного балагурщика к себе¹⁰. Однако не следует думать, что посетители, услышав закликалу, мгновенно наполняли балаган и начиналось представление. Альперов Д. С. в своей книге упоминает, что «приходилось зазывать публику раз по пять-шесть подряд, пока, наконец, балаган не наполнялся народом»¹¹.

Каждый «выкрик» и «заклик» зазывалы был уникален и неповторим, имел свои отличительные черты, поскольку строился на импровизации автора.

«Закликала выходил на раус¹² в красной кумачовой рубахе, зимою в тулупе и зазывал публику, сновавшую мимо балагана или глазевшую на пёстро размалёванную балаганную афишу.

«Эй, сынок! — кричал закликала невидимому публике «сынку», —
Давай первый звонок.
Представление начинается.
Сюда! Сюда! Все приглашаются!
Стой, прохожий! Остановись!
На наше чудо подивись.
Барышни-вертушки,
Бабы-болтушки,
Старушки-стряпушки,
Солдаты служивые,
И дедушки ворчливые,
Горбатые, плешивые,
Косопузые и вшивые,
С задних рядов протолкайтесь,
К кассе направляйтесь.
За гривенник билет купите
И в балаган входите»¹³.

⁹ Булгарин Ф. В. «Качели» // «Северная пчела». 2 апреля 1825. № 40.

¹⁰ Альперов Д. С. На арене старого цирка. М., 1936. С. 21.

¹¹ Там же.

¹² Раус — (нем. Raus, от heraus «изнутри наружу»), высокий балкон над входом в ярмарочный балаган.

¹³ Альперов Д. С. На арене старого цирка. С. 21.

⁶ Булак Т. Г. Красноречие русского торжка: материалы из архива В. И. Симакова // Из истории русской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1978. С. 130.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ Там же. С. 133.

«Продавая» свой товар балаганные балагуры, возможно, сами того не осознавая рекламу создавали для всех категорий, в том числе рассчитывали они и на женскую аудиторию. «Женская» тема у балаганных дедов была излюбленной:

«У меня жена — красавица,
Увидят — собаки лаются,
А лошади в стороны кидаются.
Зовут её Ирина,
Пухла, что твоя перина!»¹⁴

Искусство балаганных зазывал стало основой для ярмарочных клоунад. И хотя клоуны «шутившие беззлобно, обливающие друг друга водой, обсыпаящие мукой, щедро раздающие пощёчины»¹⁵, — это совершенно другой вид ярмарочной культуры, тем не менее, именно клоуны, по мнению Ю. А. Дмитриева, «продолжали развивать, то, что наиболее ценно в искусстве «дедов»: сатиру, меткий, образный язык, умение владеть толпой»¹⁶.

Опираясь на исследование А. Ф. Некрыловой, можно выделить три основные категории балконных зазывал: первая — «закликалы» в узком смысле слова, расхваливающих свой балаган и приглашающих посетить его; вторая категория — «дед» или «старик», репертуар которых складывался из анекдотов, прибауток в форме монолога и не связанного с программой представления, и третья категория — это клоуны, разыгрывающие сценки-пантомимы или сценки-диалоги, последние, как правило, на злобу дня¹⁷.

«Выкрики и зазывы» раёшных представлений — неотъемлемая часть ярмарочного праздничного действия, которые имели большой успех у публики и доставляли огромное удовольствие зрителям самого разного возраста. Обычно раёк устанавливался поблизости от балагана. Очень скоро раёшные представления стали пользоваться большой популярностью, такой успех не остался незамеченным среди хозяев балаганных развлечений. Для извлечения финансовой выгоды балаганщики перед началом представления стали нанимать особо красноречивых раешников. Чтобы раешник не смешивался

с пёстрой праздничной толпой, он пользовался некоторыми приёмами. Первый — это одежда. «Серый обшитый красной или жёлтой тесьмой кафтан с пучками цветных тряпок на плечах, шапка-коломенка, также украшенная яркими тряпками»¹⁸. Второй приём — ярко раскрашенный ящик — раёк. И третий приём, самый главный — это «заман». Талантливые красноречивые раешники чётко понимали, что это не просто шутки-прибаутки, а реклама раёшного представления:

«Господа почтенные, статские, военные!
Подходите за пятак
Поглядеть пять вражеских атак.
Каждому уважу, по-учёному размажу!
Начинается!»¹⁹

Раёшные зазывы, несомненно, были частью фольклорного ярмарочного искусства. Прибаутки и шуточные комментарии произносились громко и нараспев, «но с подчёркиванием нужных по смыслу слов или фраз»²⁰. Особой популярностью в репертуаре раешника пользовались картинки с изображением видов городов. Комментарии к видам Парижа были такие:

«А вот город Париж,
Как туда приедешь —
Тотчас угоришь!
Наша именитая знать
Ездит туда денежки мотать:
Туда едет с полным мешком,
А оттуда возвращается без сапог пешком»²¹.

Раёшный зазывала строил свой «заман» покупателей на сатире. Так в адрес Петербурга, с его фривольными взглядами и обилием проживающих иностранцев звучал такой текст:

«А вот город Питер,
Что барам бока вытер.
Там живут смышлёные немцы
И всякие разные иноземцы,
Русский хлеб едят
И косо на нас глядят...»²²

¹⁴ Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922. С. 67.

¹⁵ Дмитриев Ю. А. Русский цирк. М.: Искусство. 1953. С. 39.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. С. 130.

¹⁸ Дмитриев Ю. А. На старом московском гулянье // Театральный альманах ВТО. М., 1947. Кн. 6. С. 347.

¹⁹ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М.: Наука. 1976. С. 134.

²⁰ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. С. 99.

²¹ Русские народные гуляния по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Е. Кузнецова. М., 1948. С. 55.

²² Дмитриев Ю. А. Русский цирк. С. 34.

Тему раёшному «зазыву» давали сюжеты повседневной жизни города, страны, исторические события. В 1850-х гг. появилось множество картинок патриотического характера, отображающих военную Крымскую кампанию и русско-турецкую войну. «Патриотические» темы были особенно любимы публикой, и раешники, тонко чувствуя настрой ярмарочной толпы, старались отобразить эту тему в своих комментариях:

«А вот коварный англичан,
Надулся ровно чан.
Хоша он нам и гадит,
Зато и наш русский солдат его не гладит.
Супротив русского кулака
Аглицкая наука далека...»²³

Комментарии раешника к картинкам с патриотическим содержанием, по всей видимости, сложились на основе влияния русского фольклорного наследия — сказок и былин. Раёшное искусство, как и искусство балаганных зазывал, было настоящим театром одного актёра. Для того, чтобы ярмарочный зритель стал из «слушателя» покупателем, требовалось особое умение «во владении толпой» и особо это чувствовали «продавцы» такого товара как балаганные и раёшные зазывалы.

Ярмарочный фольклор одна из главных составляющих страниц народной площадной культуры. Ярмарочные увеселения и гулянья — это огромный пласт русской культуры, основу которого составляют игры, зрелища и развлечения. Изучение материалов о ярмарочно-площадных гуляньях конца XIX — начала XX в., знакомство со спецификой ярмарочных зрелищных мероприятий, использование текстов

раёшных и балаганных зазывал позволит не только сохранить этот вид ярмарочного фольклорного творчества, но и даст возможность современным режиссёрам культурно-массовых постановок более точно и ярко наполнять сценарии фольклорным материалом.

Литература

Альперов Д. С. На арене старого цирка. М., 1936.

Булак Т. Г. Красноречие русского торжка: материалы из архива В. И. Симакова // Из истории русской фольклористики. Л., 1978.

Булгарин Ф. В. «Качели» // «Северная пчела». 2 апреля 1825. № 40.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи // Собр. в 4-х тт. М., 1989. Т. 4.

Дмитриев Ю. А. Русский цирк. М.: Искусство. 1953.

Дмитриев Ю. А. На старом московском гулянье // Театральный альманах ВТО. М., 1947. Кн. 6.

Дурылин С. Н. В своём углу. М., 1991.

Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922.

Московский городской листок. 6 февраля 1847. № 29.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века // Л., 1988.

Русские народные гуляния по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Е. Кузнецова. М., 1948.

Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976.

Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)» Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2012. № 186.

²³ Лейферт А. В. Балаганы. С. 70.

Опыт интерпретации народного календаря в контексте культурогенеза

Календарь как таковой представляет собою некую структуру взаимоотношения человека со временем — важнейшей характеристикой бытия. В календаре жизнь людей осмысливается и организуется в соответствии с условиями времени. Одновременно в календаре осмысливается и организуется само время.

В истории культуры можно наблюдать множество самых разнообразных календарей, отличающихся и по форме, и по содержанию. В них отражено разнообразие представлений об устройстве мироздания, о космосе и хаосе, об истории и вечности. В них отражено разнообразие способов жизнедеятельности (календарь земледельца, кочевника, жреца, современного обывателя и т.п.). По этим календарям видно, как различно самосознание и мировоззрение людей, как многообразно их время жизни. При этом всё множество календарей можно расположить на условной шкале: от «примитивного» до «цивилизованного».

При сравнении этих типов календарей становится очевидным, что у них общее онтологическое основание: это календари, в которых действует природное, космическое время. При этом очевидна и разница во взаимоотношениях человека со временем как в «цивилизованном», так и в «примитивном» календарях.

«Примитивные», или простые календари составлены из опыта самого прямого, самого непосредственного общения с окружающим миром. «Примитивные» календари отличаются неравномерностью временных периодов, привязаны к изменениям по времени суток, к длительности природных сезонов. Так лишь с конца XIV в. в Европе стали отсчитывать равные по длительности часы. А до этого — в России местами вплоть до XVIII в. — сутки делились на день и ночь и каждая половина (день, ночь) де-

лилась на 12 частей. И летом дневной час был больше ночного, а зимой — наоборот. Так на Спасской башне Московского Кремля в XVII в. были установлены часы с циферблатом из 17 делений. Это — измеряемый самый долгий летний день¹.

По форме простые календари также «примитивны». Это или верёвка с узелками, или деревянная дощечка с насечками, или вышивка на полотенце, переднике, или кувшин с чертами и резами. Такие календари имеют «добрые» и «недобрые» дни и периоды. Они рождены из чувственных впечатлений и опыта человека. Время здесь персонифицируется в образах окружающего: год как яйцо, дерево; сутки как белый и чёрный конь и т.п.

«Цивилизованные» — сложные календари (древнеегипетский, календарь майя и пр.) стремятся очертить существование человека глобальными космическими законами посредством абстрагирования от земных эмпирических реалий. Они ориентированы на сложные астрономические наблюдения и математические расчёты, стремятся к чёткой упорядоченности и синхронизации в отмечаемых временах, подчас даже в ущерб практической пригодности к периодам жизнедеятельности человека. Так в древнем Египте IV — III тысячелетий до н.э. с разливом Нила, определявшим жизнь людей в его долине, совпадал восход Сириуса — самой яркой звезды неба. И жрецы связывали разлив Нила с этим астрономическим явлением, предшествующим летнему солнцестоянию. Восход Сириуса был датой Нового года. Со временем восход Сириуса отходил всё дальше от дня летнего солнцестояния, от начала разлива

¹ В наших часах стрелка ходит по циферному кругу, в Русских, напротив того, вертится циферный круг [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <http://arch-heritage.livejournal.com/1280792.html>.

Нила. Неоднократно совершались попытки реформировать календарь. Однако освящённый преданием древний календарь сохранялся как фундамент величия Египта вплоть до IV в. до н.э., а для практических нужд, отмечавших время сева и сбора урожая, существовали другие, «примитивные» календари.

Составление и обслуживание «цивилизованного» календаря требует больших материальных и интеллектуальных затрат. Строятся обсерватории, храмы, где календарь вырезается в камне «навечно», составляется штат жрецов-учёных, проводятся ритуализированные церемонии и т.п. Математически точные «цивилизованные» календари меньше всего обращены к непосредственной жизни человека на Земле здесь и сейчас. Они космические, вселенские, призванные отсчитывать историю тысячелетий и эр, ориентируясь на ход далёких звёзд. И время в них не столь «человечно», как в календарях «примитивных». Оно абстрагировано и является могущественной трансцендентной (выходящей за пределы человеческого сознания) силой. Всё прошлое, настоящее и будущее предрешиено, фиксировано и не подлежит изменению, поскольку человеку невозможно изменить Вселенский строй. История как судьба, как рок, как непреложный закон существования всего сущего (даже боги подчиняются времени) предстаёт в «цивилизованном» календаре. Солнце восходит и заходит, созвездия идут своим чередом, ничуть не обращая внимания на людей, которым только и остаётся, чтобы просто плыть по этому Вселенскому течению.

Здесь отчётливо видно, что время неумолимо и неуправляемо. У него есть неизменная сущность, диктующая свои условия. Эти условия вполне определённые и жёстки. «Два раза в одну реку не войдёшь», «что упало, то пропало», «прошлого не воротить». Кронос, пожирающий своих детей; холодный, мрачный Сатурн с серпом или косою, неотвратимо сжинающий всё, что посеяно — это ярчайшие и древнейшие персонификации времени, наглядно иллюстрирующие его неумолимую силу.

«Примитивные» календари также выделяют непреложность движения времени. Так земледельческое сознание предполагает наблюдение за цикличностью повторений природных сезонов, в рамки которых жёстко ложатся периоды трудовой деятельности крестьянина (сев —

уборка). Такая «растительная» жизнь с её безусловной зависимостью от естественно-природного движения климатических сезонов года не даёт никакой возможности выхода из циклически замкнутого круга, что, собственно, пахарю и не требуется. Более того, если он попытается как-то нарушить данное движение, выйти из этого замкнутого круга, то вполне очевидно человек рискует остаться без урожая. Не только «весенний день год кормит», но и каждый день земледельческого календаря является не столько следствием, сколько причиной. Что-то не сделав сегодня, вовремя, завтра получишь огромную проблему: «Часом опóздано, годом не поверстаешь». Надо успеть за этим движением, причём, не забегая вперёд, а соблюдая определённый график. Всё внимание, весь опыт традиции направлен на чёткое следование естественно-природному движению, малейшее отступление от которого буквально «смерти подобно». Сакрализация этого круга существования углубляет «зацикленность» сознания земледельца, его безостановочное вращение в череде постоянных повторений. «Истории известны народы, навеки застывшие на деревенской, или примитивной, стадии. А деревня — всегда деревня. И прежде всего по духу, складу жизни. Проходит за веком век — селянину нет до того дела. Да и зачем, спрашивается, ему участвовать в каких-то исторических перетурбациях? Подобный индивид — узник неизменного растительного цикла (от сева до урожая), пленник своего крестьянского идеала»².

Земледельческое время «намертво» привязывает человека к земле, к природным законам постоянно текущего и неизменяемого в своём повторении времени, где господствует, по сути, смерть. Зерно лишь «умирая» даёт плод, и человек не живёт без смерти. И что может этому противопоставить крестьянин? Лишь свою безысходность, слепое послушание и подчинение с надеждою жить лишь в памяти потомков. Поэтому так важен и священен в земледельческой традиции культ почитания предков, отмечаемый учёными в аграрных обрядах, в почитании священных деревьев и камней и т.п. В таком контексте, действительно, не столь важен ни прогресс, ни история, но безусловна память.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: [сб.: пер. с исп.] М., 2008. С. 340.

«Примитивные» календари сакрализуют предание предков, ретроспективу. Здесь человек всегда меньше своего прошлого. Человек здесь лишь часть своего рода, природы. И чем ближе человек к природе и роду, чем он точнее следует законам предков, тем он правильнее организует своё существование.

Во всех календарях (примитивных и цивилизованных) мы видим самосознание человека, его историю в жёстком подчинении циклам природы, космоса. Константы его бытия, основы его существования здесь расположены во внешнем мире. Они стоят вне человека. Совершенно иным по отношению к календарям космическим и календарям земным, предстаёт календарь христианский, освобождающий человека от природно-космической зависимости. Главными его константами служат исторические даты, связанные с Воплощением Бога Слова. И время, которое этот календарь «культивирует», предстаёт временем экзистенциальным.

«История происходит в своём историческом времени, но она не может ни в нём остаться, ни в нём кончиться. История выходит или во время космическое, это утверждает натурализм и он соглашается на окончательную объективацию человеческого существования, человек оказывается лишь подчинённой частью мирового природного целого, или во время экзистенциальное, и это означает выход из царства объективации в духовный план», — отмечает Н. А. Бердяев³. И именно христианский календарь освобождает историю человека (его самосознание) от детерминированности природно-космическому времени, придаёт человеку характер личности, способной творчески осмысливать действительность. Календарные даты жизни Спасителя, Его Рождества, Богоявления, крестного Искупления и т.д., установленные Церковью в продолжение природного года, применённые к датам природного календаря, дают возможность человеку пройти тем же путём. Повторяя это движение из года в год, человек имеет возможность даже в детерминированных пределах осуществлять своё духовное восхождение, рост. И даже совершая в своей истории ошибки, падения человек имеет возможность вновь вернуться на путь, предложенный Христом. Самим Христом духовное развитие лич-

ности каждого конкретного человека ставится во главу Его миссии. История человека переносится в экзистенциальное измерение, обретает личностную форму, независимую от внешних обстоятельств, какими бы жёсткими они ни были. Евангелие говорит о жизни вечной, в соотношении с которой индивидуальная история человека/народа имеет не только конец, но и может начаться заново и в другой перспективе. В конце жизненного пути Спасителя — Воскресение.

Экзистенциальное время не такая уж мистическая вещь. Каждый человек своим опытом проживал остановку или ускорение своего ощущения времени. «Долог день до вечера, коли делать нечего»; «Счастливые часов не наблюдают»; «Оглянуться не успела, как зима катит в глаза» и пр. Такой опыт доказывает, что время зависит от человека и может изменяться в соответствии с изменениями его духовного состояния. В эмпирии экзистенциальное время оформлено, например, в календаре Православной церкви, который имеет три основных цикла.

Первый цикл — от Рождества Богородицы до Рождества Христова — посвящён ветхозаветной истории. Здесь основное внимание обращено на пророков, праотцев и, конечно, на историю Богородицы Марии. Это время приготовления к Вочеловечиванию Сына Божия, Бога Слова.

Второй цикл — от Рождества Христова до Вознесения — посвящён земной жизни Спасителя. Здесь сосредоточены основные вехи, отмечающие путь Сына Человеческого среди людей. В этом календарном цикле открываются христоцентричные, а потому антропоцентричные смыслы христианства.

Третий цикл — от Пятидесятницы до Успения Богородицы — направляет внимание к исторической деятельности Церкви, к делу христианства. Сошествие Святого Духа, память апостолов, учителей и святых Церкви, Преображение Господне, Успение Богородицы — утверждают реальность «новой земли и нового неба». Они раскрывают культурологический смысл христианства, как образа, способа жизни в этом мире, способа этот мир творчески совершенствовать.

Православный календарь имеет два круга: неподвижный и подвижный. Неподвижный круг церковных праздников начинается

³Бердяев Н. А. Творчество и объективация / Дух и реальность. М., 2011. С. 520.

с 1/14 сентября — начала нового индикта, новолетия. Подвижный — с Пасхи. Потому здесь как бы две даты начала, нового периода времени, «нового года». Также за отсчёт нового времени берутся даты Рождества Христова и Пятидесятницы — дня рождения Церкви. Потому в православном календаре четыре «новых года» — осенний, зимний, весенний, летний. Это придаёт ощущению времени дополнительную динамику.

Заметим, что все события, отмеченные датами церковного календаря, являются не только в природном, но и в экзистенциальном времени. Феноменально осуществлённая в природно-космической конкретности много веков назад история Христа ноуменально повторяется каждый год вновь и вновь.

При этом христианство не только освобождает человека от детерминированности законам (времени) космоса, но даёт возможность эти законы преобразовать, наполняя иным содержанием, оформляя в ином виде. Подобную картину мы наблюдаем, обращаясь к календарю традиционной культуры русского народа.

Календарь традиционной культуры русского народа складывался в синтезе земледельческого календаря крестьянина и церковного календаря христианина. Русский народ в долгом историческом процессе (который нельзя назвать законченным и сейчас) идентифицировал себя крестьянином-христианином. При этом артефакты археологических, филологических, этнографических исследований вскрывают всю сложность данного процесса. Ведь русскому человеку, имеющему тысячелетнюю дохристианскую предысторию, при осмыслении себя христианином приходилось пересматривать своё самосознание и мировоззрение.

В истории культуры народа зафиксировано множество фактов, где наряду с христианскими обрядами и символами использовались ахристианские действия и вещи. На Стоглавом соборе 1551 г. рассматривался, например, такой вопрос: «Иная убо творится в простой чади в миру: дети родятся в сорочках, и те сорочки приносят к попом и велят их класти на престол до шти (шести) недель». На Руси широко были распространены нательные крестики и медальоны, где наряду с изображениями Христа, Богородицы изображались символы язычества

(стрелы-молнии, змеи и т.п.)⁴. Такие факты мы находим и в календарной культуре: Масленица, Иван-купала, русалии и мн. др. Подобные факты совмещения несовместимых идей и идеалов определённо доказывают явно существовавшее (существующее) «двоеверие».

Однако эти доказательства проявляются со всей очевидностью лишь при исследовании ограниченных временными рамками отдельных моментов истории, когда ретроспективным методом мы уходим вглубь истории. Когда подобные факты «вырываем» отдельными листами из общего контекста развивающегося организма культуры.

Но, если посмотреть на эту проблему в ином ракурсе, в динамике исторического развития культуры, то утверждение о становлении *единого и целостного* культурного образования без всякого «двоеверия», — традиционной культуры русского народа, — обретает вполне доказуемые черты. Эту динамику можно проследить, опять же, проведя историко-культурологическое исследование этапов становления народной культуры, но исходя из гипотезы, что народная культура есть не законченный факт истории, а ещё развивающийся процесс. Если традиционную культуру русского народа исследовать не только в ретроспективе, но и в перспективе. Если традицию воспринимать не только как музей исторической «ветоши», но как вектор развития.

На путях истории вплоть до XX в. в культуре русского народа шли процессы синтеза дохристианского и христианского мировоззрений. Именно синтеза, а не противоборства в условиях вынужденного сосуществования. А конфликт, возникающий в данном процессе, являлся не борьбой «не на жизнь, а на смерть» двух различных идеологий, мировоззрений, а необходимым диалектическим моментом становления и развития культуры. К XX в. вполне отчётливо открылись некоторые результаты подобного генезиса народной культуры, позволяющие вполне обоснованно говорить не о «двоеверии», но о целостном и едином явлении народной культуры.

Мы видим, что в основе традиционной культуры русского народа лежат *два* онтологических основания-ориентира, расположен-

⁴Чернецов А. В. Двоеверие: мираж или реальность? // Живая старина. 1994. № 4. С. 18–19.

ных в разных плоскостях. В «горизонтальной» плоскости народная культура неизбежно стоит и развивается на определённых основаниях явлений и законов природы. Причём, природы не вообще, но русской, индивидуальной природы окружающего мира и природных (физиологических, психологических) особенностей русского человека. В «вертикальном» измерении русская традиционная культура всем своим существом держится за духовные основания христианской веры, которая является направляющим вектором её дальнейшего развития. И здесь нет раздвоения. Здесь полнота, объём целостности. Эта объёмность теряется и превращается в «двоеверие», когда оба безусловных основания культуры русского народа разделяются и различаются по этим планам целостного бытия. Когда культуру народа интерпретируют лишь в контексте естественно-природного (языческого) развития, забывая об основаниях её личностного (экзистенциального) развития.

Календарь традиционной культуры русского народа, каким он записан и засвидетельствован этнографами, фольклористами, археологами и т.д. в XVIII—XX вв., со всей очевидностью демонстрирует целостность мировосприятия и жизнедеятельности русского земледельца. Традиционный календарь русского народа доказывает не только возможность, но и необходимость человеческого существования в условиях, когда материя и дух действуют как два равноправных принципа бытия. Он иллюстрирует реальность такого существования и раскрывает перспективы культуuroгенеза русского народа ориентированного на абсолютные ценности, на воплощение и реализацию абсолютных идей и идеалов христианства в конкретность русской культурной реальности. Исследуя календарно-обрядовую культуру русского народа мы стремимся на фольклорно-этнографическом материале доказать именно эту точку зрения.

Русский народ существовал, измеряя время и природными, и экзистенциальными величинами. Он полагал свою историю как духовно-материальное развитие своей индивидуальности в самом широком смысле этого понятия. Русский народ-земледелец не отделялся от космоса, но всячески укреплял свою природно-духовную связь, своё родство с окружающим миром. В мифопоэтических воззрениях он

осмысливал и одухотворял свою природу как *Мать-сыру землю*. Возделывая, культивируя, оформляя эту «сырую» материально-духовную действительность, придавал ей личностный характер *Земли Русской*. А перспективы развития этого природно-социально-культурного организма (по Г.Д. Гачеву — Космо-Психо-Логос) до уровня *Земли Святорусской* находил в абсолютных идеалах Святой Троицы, данных Откровением Спасителя.

Доказательством такому историческому самосознанию народа служат исследования природы историко-эпических жанров фольклора. Эпос, зарождающийся в глубинах мифологии, формируется за счёт привнесения «национальной» идеи. А эстетического совершенства он достигает, ориентируясь на идеалы христианства⁵. Также и в календарно-обрядовой культуре русский народ определял сроки посева той или иной культуры по распустившимся почкам или листочкам деревьев, действуя по календарю природы, но осмысляя весеннее пробуждение природы событиями Благовещения, Вербного воскресения, Пасхи. Однако изучая календарную обрядность, мы видим, что в культуре русского земледельца некоторые моменты предстают более яркими, более существенными в отношении к другим.

В своём бытии крестьянин не заглядывает так глубоко в прошлое и будущее. Более всего его интересует настоящее, когда же хлеб сеять: «Зá годом, что зá веком», «Который год прошёл, тот до нас дошёл». И время здесь не столь жёстко, как в оформлении цивилизованного календаря, требующего начать/закончить посевную в строго определённый срок, по плану: «кто по календарю сеет, тот мало веет», «календарным теплом не угреешься», «год на год не приходится». Это значит, что со временем человек был «накоротке». Время у русского крестьянина было «запряжено» в соху, находилось при нём.

При этом время русский народ уважал, с почтением к нему относился и его берёг во всех видах (прошлое, настоящее, будущее): «Сколько клеток поставил, знаю, а сколько куниц поймаю, не знаю». Год как жизнь, год как мир, год как Гдъ для крестьянина имел решающее и священное значение. «Не торопись, сперва Богу

⁵ Русский эпос, по мнению Д.С. Лихачёва, сформировался к XVI в. Хотя Б.А. Рыбаков говорит о сроке не позднее XI в. См. Кожин В.В. История Руси и русского Слова. М., 1999.

помолись!», — говорил крестьянин, понимая, что вперёд времени не убежишь и Божьей воли не переволишь.

Сам же календарь, как образ времени, представлен антропоморфным, зооморфным или в образах растительного мира: «Выросло дерево от земли до неба, на этом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное», «У меня есть дерево, на нём 12 веток, на каждой ветке 30 листьев, одна сторона у листа чёрная, другая — белая». Человек видел время, способное развиваться по своей генетике, по своим законам и собственным путём. И быть, при этом, главным столпом бытия (мировым деревом).

Но и в этом осмыслении трансцендентности время отнюдь не обожествлялось. В отношении к прошлому крестьянин чувствовал себя довольно свободным: «Жили старые дураки — поживут и молодые». Будущее в сознании русского человека также являлось не столь абсолютизированным: «Одно нынче лучше двух завтра», «Весна всё покажет. Весна да лето, пройдёт и не это». Человек понимал не только свою зависимость от времени, но и прямую зависимость изменений во времени от своих действий: «не время дорого, пора», «дай отсрочку — будет дело в точку». Русский человек исторически активен, хотя данную активность он часто сдерживает под спудом некоего ожидания⁶.

Мы видим, что русский человек ясно осознавал антиномичность природы своих отношений со временем. С одной стороны, он помнил о будущем и переживал за него: «Всегда новизна, да редко правизна. Всё по-новому, а когда ж по-правому?» В насущных ежедневных заботах не упускал из вида будущего, предвидел его, готовился к нему: «Жениться — не чихнуть, можно наперёд сказать», «Готовь сани летом, а телегу зимою». Но с другой стороны, человек понимал, что прошлое и будущее — история — не в его власти, не в его компетенции. «Солнышко восходит, барских часов не спрашивается». Поэтому русский народ сдерживал свою энергию: «нукать нукай, да не пришлось бы тпрукать».

Объяснить такую инертность русского человека по отношению к истории, когда он ожи-

дает её изменений в контексте не своей деятельности, а в результате деятельности Бога или царя-батюшки, возможно в свете его эсхатологических ожиданий конца этой истории, начала нового времени, нового бытия. Присутствие такого эсхатологического чувства в народе можно доказать не только на материале сказок, но и на материале лирических, исторических песен, баллад. В сказках, воспитывающих детей — будущее народа, — финал всегда счастливый. Но в лирических и исторических песнях, предназначавшихся для взрослых, вплотную сталкивающихся с реалиями действительности, выход в новую историю отнюдь не всегда был так оптимистичен, как в сказках:

«Не бывать, тебе, книга, да на святой Руси
Не видать, тебе, книга, свету белого,
Свету белого, да солнца красного...»

— со слезами пел народ, предвидя потерю национальным самосознанием православной веры⁷. Это глубокое внутреннее чувство. Это процессы экзистенциального характера, а не внешних обстоятельств.

Мы должны признать, что осмысление экзистенциального времени в сознании русского крестьянина традиционной культуры было развито не достаточно для того, чтобы народ сам смог встать у руля своей истории. Такое отношение к бытию, ко времени не позволяло ему быть активным строителем культуры, которая осуществлялась стихийно, возрастала неосознанно. Так Н. А. Бердяев говорил: «в строгом европейском смысле слова в России почти что и нет культуры, нет культурной среды и культурной традиции. В низах своих Россия полна дикости и варварства, она состоянии докультурном, в ней первобытный хаос шевелится»⁸. Потому русская интеллигенция искала возможности «разбудить мужика», вывести его могучие силы на исторический простор. «...Мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли, и образа; преклониться пред правдою народной и признать её за правду... Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non* (лат. — обязательно): чтобы народ и от нас принял многое из того, что мы принесли

⁷ Исторические песни. Баллады / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., коммент. С. Н. Азабелева. М., 1991. С. 72.

⁸ Бердяев Н. А. Новое средневековье / Философия творчества, культуры и искусства: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 301.

⁶ Самые наглядные примеры исторической активности народа — народные бунты и революции, когда историческая сила русского народа во всей своей мощи проявляется через разрушение.

с собою», — формулировал программу национального развития Ф. М. Достоевский⁹. И то, что может интеллигенция принести народу, есть обретение духовной свободы, свободы поверить не только в Бога, но и в себя — человека, понимание, что не только царь-батюшка, но и сам народ делает свою историю.

Г. П. Федотов, исследуя духовные стихи, отмечал народное видение Христа больше грозным судьёй, чем Спасителем, больше карающим и неумолимым, чем прощающим и исцеляющим. Поднимая голову над землёю, крестьянин видел огонь и жупелы Страшного Суда. Осознавая свою безответность, в страхе вновь опускал голову. Защиту и утешение искал он в образе Пресвятой Богородицы, в его сознании сублимирующей мифологему такой близкой крестьянину Мать-сырой земли. В народном самосознании превалировало женское начало. Образ Христа Пантократора в народе заслонил Его Крест, где Спаситель не только освобождает человека, но и призывает его действовать, преодолевать, преодолевая свою природную ограниченность. Сам же Спаситель подает к этому средства (Церковь Христова, Её таинства). Потому интерпретируя народный календарь в контексте перспектив традиционного культурогенеза, следует особое внимание уделять моментам становления личности русского земледельца, искать эти моменты в циклах его календаря.

Структура народного календаря в контексте перспективы развития традиции предполагает также некую иную форму, отличную от предложенных ранее. Структурирование, основанное на исторических корнях мифологических представлений народа¹⁰, ограничивает жизнеспособность традиции в росте, развитии. Структурирование по фазам трудовой деятельности человека¹¹ лишь наполовину, только с материальной стороны раскрывает содержание народного бытия. Структура, в которой связующими звеньями являются ритуальные

«темы» — обрядовая еда, погребение и пр., раскрывающая функциональную сторону календарной обрядности, регулирующую природные «растительные силы» (по В. Я. Проппу) магией слов, действий¹², не даёт возможности выявить социальную, антропологическую значимость календарных праздников. Здесь человек обретается лишь винтиком в календарно-семиотическом механизме. Структура, в которой календарь — это определённая последовательность народных гуляний¹³, не вскрывает онтологического содержания традиции.

При этом все составляющие календарно-обрядовой культуры, найденные и выделенные учёными в процессе её исследования, являются неотъемлемыми. В календарной обрядности, безусловно, находим и историческую глубину традиции, и её регулирующие функции в отношениях к природе и социуму, и её организующую, упорядочивающую жизнь человека эстетическую силу. История, труд, праздник, семиотическая глубина взаимоотношений с природой и сверхприродными силами, — всё это отражено в народном календаре. Потому самым оптимальным вариантом систематизации календаря, когда все безусловные его составляющие не теряются, но обнаруживаются на своих местах, представляется его структурирование через призму «человекознания». Когда календарь изучается не только в связи со своими отвлечёнными качествами, но и как символ культуры, как её миф, существующий самостоятельным субъектом культуры — текстом.

При таком систематизировании антропологические, исторические, онтологические, эстетические и другие характеристики календаря обретают свою изначальную синкретичную основу, встают на культурологический фундамент их осмысления. Потому что взяв за точку отсчёта в исследовании календаря человека, живущего этим календарём, календарно-обрядовая система приобретает интегрирующую форму, в которой найдётся место для любых проявлений человеческой жизнедеятельности. И при такой систематизации вполне оправдано будет акцентировать именно внутреннее, духовное содержание календаря, не забывая, однако, его

⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы / Авт. вступ. статьи и коммент. Б. Н. Тарасов. М., 1989. С. 145–146.

¹⁰ «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И. М. Снегирёва (1837–1839); «Сказания русского народа» И. П. Сахарова (1837), «Быт русского народа» А. В. Терещенко (1848).

¹¹ «Зимний период русского земледельческого календаря XVI — XIX веков (очерки по истории народных верований)» В. И. Чичерова (1957).

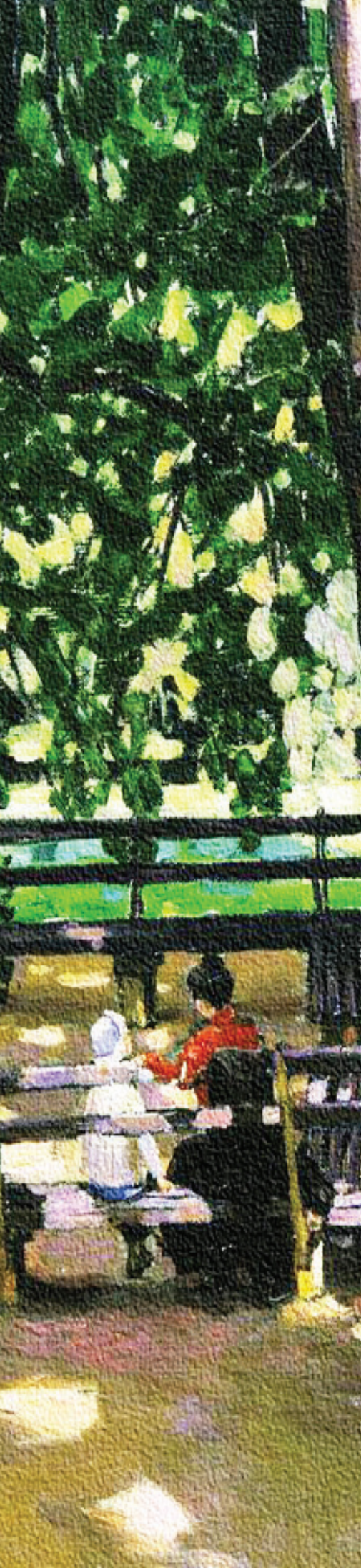
¹² «Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования)» В. Я. Проппа (1963).

¹³ «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в.» В. К. Соколовой (1979).

прагматические функции, но изучая их в соответствии со смыслами, исходящими от человека и направленными к человеку не только как к природному, но и духовному существу.

В таком виде календарь является важнейшим символом бытия человека, укрепляющим материально-духовную целостность бытия, одним из главных мифов, организующих целостное материально-духовное существование человека. В его структуре разворачивается не только форма жизнедеятельности, но раскрываются и смыслы существования человека, живущего по нему. А в его содержании выяв-

ляются не только идеалы жизни человека, раскрытые в культуре, но и проявляется форма достижения этих идеалов. Календарь может быть рассмотрен как модель не только культуры, но и истории. Динамичной моделью экзистенциального развития самого человека данной культуры, способной соответствовать динамике постоянно изменяющейся действительности. Исследования календарных символов, текстов, мифологем и др. феноменов культуры уже не замыкаются рамками лишь того или иного исторического периода, а обретают перспективы культуротворчества.

ИМЕНА И СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО

От редакции: Михаил Викторович Панов (21 сентября 1920, Москва — 3 ноября 2001) — российский лингвист, литературовед, доктор филологических наук, один из наиболее значительных представителей Московской фонологической школы. Труды по русской фонетике, орфографии и орфоэпии, а также по русской морфологии и синтаксису, истории русского языка, социолингвистике, стилистике, языку русской поэзии и др. проблемам русистики. Активный популяризатор науки, инициатор и автор лингвистических изданий для детей и школьных учебников по русскому языку, ориентированных на современную лингвистическую теорию. Автор методических пособий и статей, посвящённых преподаванию русского языка в русской и национальной школах. Поэт, автор двух поэтических сборников (второй опубликован посмертно).

Иванова-Лукьянова Г. Н., д.филол.наук, проф.

М. В. Панов в калейдоскопе воспоминаний

Невозможно представить, что этот дом № 21 корпус 4 по Открытому шоссе энергетически остыл. Куда же ушла та энергия, которая неудержимо долгие годы притягивала сюда людей разных возрастов и взглядов, и которую эти люди уносили с собой, а потом снова возвращались, чтобы получить новую порцию интеллектуального заряда? В этом доме жил простой, умный, радушный хозяин. Истинный русский интеллигент и большой учёный. Он жил один, но одиноким не был никогда.

Михаил Викторович был настоящим московским хлебосолом — всегда чай с конфетами, печеньем, свежим бородинским хлебом, который он, по его словам, «сам выпекал». Если гостей ожидалось много и надолго, то на плите в кастрюле — сваренная картошка в «мундирах», и к ней огурцы, помидоры, лечо в банке. Кто бы ни приходил — студенты, аспиранты, коллеги — все пили чай и разговаривали за столом, который был и рабочим, и обеденным, и праздничным одновременно. На столе всегда пачка хорошей бумаги и цветные каран-

даши, а позднее — фломастеры — это чтобы гости оставляли цветные автографы. Если народу было много, то на отдельном листе делалась записка: когда, кто, о чём — и подписи.

Такое количество гостей, человек 6–8, собиралось на заседания «Дятла» — так называлось научное собрание, которое проходило в доме Михаила Викторовича Панова в течение 30 лет.

Я помню эти собрания с 1971 года, когда вернулась из Ленинграда в Москву, и М.В. позвал меня на очередное заседание.

Меня поражала его способность создавать для собеседника такие условия, чтобы тот чувствовал себя свободно, естественно и проявлялся с лучшей стороны. Казалось, ему всё было интересно, особенно когда я рассказывала о Ленинграде. Свою связь с этим городом он ощущал, как коренной ленинградец. И вот я словно прохожу с ним свой путь от Петроградской стороны через Неву до Фонтанки, где была школа, в которой я работала учительницей. Я ходила пешком — туда через Марсово поле, обратно — через Летний сад. Летний сад, как и другие парки и скверы, весной закрывают на просушку, — милая ленинградская подробность, — чтобы люди не оставляли следов на влажных дорожках. М.В. слушает, и во взгляде не просто заинтересованность, а сопричастность. Эти подробности я до сих пор собираю и мысленно рассказываю о них Панову. Ему бы понравилось, что на каждой двери петербургского метро прикреплена табличка: «Придерживайте двери», а на одних чугунных решётчатых воротах можно прочесть: «От себя. Нежно», а с другой стороны: «К себе. Нежно».

Помню, как я ему рассказывала о катаньях на Кировском мосту, когда шёл Ладожский лёд. Стоишь на мосту, держишься за перила, — а под тобой проплывают льдины. Потом — мгновение — и уже не льдины плывут, а ты плывёшь на корабле и рассекаешь лёд. Надо было видеть М.В. — в нём было так много детского, озорного, как будто он навёрстывал то, чего не делал в детстве. Ведь, судя по его детским фотографиям, он был тихим, послушным мальчиком, миным ребёнком, каким оставался не только при жизни Веры Алексеевны, но и потом. Он не раз говорил, что чувствует до сих пор её утешение. А когда на поминках Михаила Викторовича его родственница прочитала письмо матери, все были взволнованы словами нежности и материнской благодарности сыну.

С особым вниманием слушал он о Детском Селе (г. Пушкине), моём родном городе — о детских впечатлениях и о реставрационных работах во Дворце.

Наш дом стоял около Александровского парка, и всё детство прошло в Царскосельских парках, около Девушки с кувшином, где мы делали куличики и мыли формочки, около Пушкина-лицеиста, под чёрной рукой которого было так страшно сидеть, боясь взглянуть в сторону выколотого глаза. Но все родители тогдашнего, нынешнего и будущего времени неизменно будут усаживать своих детей на чугунную скамью рядом с Пушкиным. Когда впервые услышала слова: «Вся комната янтарным блеском озарена», поняла их буквально, вспомнив Янтарную комнату. Правда, в воспоминаниях янтарь зеленоватый, а не золотистый, как теперь восстановленный или каким он казался в первые годы показа этого зала, когда сохранённые в эвакуации предметы из янтаря были выставлены в прозрачных коробках-витринах около окон — и через них проходили солнечные лучи.

М.В. сразу вспомнил сцену из своего детства: *«Помню, когда папу на лето перевели по службе за город. Большая поляна, солнце, цветы. Мама сидит на поляне... Это было счастье».*

Мы всегда замечали, что при маме он чувствовал себя бодрым и молодым. Катался на лыжах в лесу и с гордостью докладывал: «Сегодня был 26-й лыжекат». Когда она умерла, как-то сразу постарел; стихотворение К. Ваншенкина, которое он несколько раз цитировал, относил лично к себе.

*«Бабушка умерла — кончилось детство,
Умер отец — кончилась юность,
Мать умерла — началась старость».*

Когда он говорил о своих родителях, то его отец представлялся взрослым и суровым, как на фотографии в его книжном шкафу, а мать — всегда молодой.

В наших беседах то и дело возникали разные лингвистические мелочи. Например, «Я жила на Лениной. — Как-как? — спрашивает. — А там у нас все улицы так склоняются: ул. Ленина — на Лениной, Зеленина — на Зелениной». Удивился, сказал, что в Москве такого нет. А оказалось, что есть: моя коллега жила на Ращупкиной.

Или рассказываю, как мы называли дома родителей мужа: «С.П.» (Сергей Петрович) и «О.Н.» (Ольга Николаевна), а однажды сын,

придя от них, выдал новую аббревиатуру. Мы спрашиваем: «С.П. дома? — Дома, — говорит, — и Б.О. тоже дома. — Кто-кто? — не поняли мы. — Б.О., баба Оля». Панова это развеселило, и на следующий день в секторе он стал рассказывать о таких сокращениях. А сотрудники сектора, как мне рассказывала Марина Гловинская, смеялись уже над ним, потому что в секторе его давно называли «М.В.».

Вообще к детской речи он относился не как к забаве, а как к ценному лингвистическому материалу, в котором находил то понятную ему логику, то ускользающую от взрослого уха акустику. Вот, например, как он комментировал слова моей дочки, когда я принесла ему список таких высказываний: «Стало темно от света» (М.В.: «это мне понятно»); «Эту мышку можно съесть? Она грязная?» (М.В.: «да, только поэтому и нельзя»); в письме к брату: «Дарাগое Коля!» (М.В.: «я всегда знал, что в йоте слышится звук «е». Подарите мне это письмо»).

Всех наших детей он хорошо знал, всегда о них расспрашивал и чувствовал их немного своими. Вот, например, письмо на эту тему.

«Дорогая Галина Николаевна! Поздравляю Вас с рождением дочки. Как хорошо, что дочка! Пусть растёт счастливая и на Вас похожая. Много у Вас сейчас и хлопот, и радостей. С дочками всегда так.

Спасибо за книжку, Вы её написали хорошо. И тексты отобраны с большим вкусом. Как раз она мне вовремя приилась: я сейчас составлял сборник упражнений (переиздание старой коллективной книжки), и, если Вы разрешите, вставлю в неё одно Ваше упражнение (конечно, указав, что оно заимствовано из Вашей книги) — на интонацию, из И. С. Тургенева в исполнении А. Г. Коонен. Очень нужно.

Желаю Вам всего самого хорошего.

М. Панов».

За этими разговорами время пролетало так быстро, что я едва успевала доехать до закрытия метро. М.В. всегда провожал меня до трамвая, который приходилось иногда долго ждать. Помню, было так холодно, что нельзя было унять дрожь. Тут я предложила, что надо опустить плечи, чтобы дрожь прекратилась. М.В. это понравилось — и мы дружно опускали плечи и смеялись.

Смеялся он заразительно, а горечь и печаль умел не показывать.

Когда М.В. исключили из партии и из Института, я не знала, как его поддержать и послала такую открытку:

*«Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя.
Весне и горя мало —
Умылась в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу».*

Когда через несколько дней мы встретились, он сказал только: «Мне это очень дорого».

Ещё он говорил в этот период, что больше не перешагнёт порог Института русского языка. И слово сдержал — его пронесли на руках через этот порог. А его мысли, идеи, начинания и вообще не знают никаких порогов — они устремлены в будущее и в стенах этого Института прекрасно работают в настоящем.

Что касается научных согласий-несогласий, то чаще всего они проходили с одобрением: я рассказывала и что-то показывала в материале, он принимал; нередко эти «показы» давались в эмоциональной форме, и М.В. искренне радовался. Как-то Лена Красильникова, разливая чай и прислушиваясь к тому, как звукопись обогащает ритм и интонацию Достоевского, воскликнула: «Как весело наблюдать за вами!»

Но было и два-три эмоционально напряжённых момента.

В пору работы над диссертацией о ритме прозы я привезла из Ленинграда размеченные тексты. М.В. спросил: «А почему в одних случаях у Вас местоимение «он» ударно, а в других — безударно?» — «Я так слышу!» Он возмутился: «Это кухня какая-то!» Его резкий тон и крайнее недовольство сделали своё дело — и я в течение 2–3 месяцев билась над этой проблемой и в результате привезла ему статью «Об ударности динамически неустойчивых слов», которую одобрил даже В.Н. Сидоров, сказав о ней: «Изящный метод!».

И второй случай произошёл через 20 лет, когда дожидаясь своего обсуждения моя докторская диссертация. М.В. отказался читать её, объяснив это тем, что он не специалист в области суперсегментной фонетики. Его отстранение лишило меня привычной опоры — наступил период торможения. Книгу из издательства вернули (вышла только через восемь лет), статью

в пановский сборник не приняли, диссертацию так и не обсудили за два года, пока я не отдала её в Совет Института русского языка, где за месяц с небольшим она и состоялась благодаря Д. Н. Шмелёву, В. П. Григорьеву и всем сотрудникам из их секторов.

Несколько раз пыталась я объяснить М. В. суть моих интоном, которые заложены в письменном тексте и определяют границы его интонационной вариативности, — он меня не слышал и даже сказал однажды в Ленинской библиотеке: «Да поймите вы, Галя, что интонация существует только в звучащей речи!». Это мне напомнило старую историю о том, как он возмущался, когда говорили, что в прозе нет никакого ритма. Как мне было объяснить ему, что и письменная речь вся заintonирована? И не произвольно, а по законам языка... И вот я получаю письмо.

«Милая умница Галя!

Последний раз я говорил с Вами в каком-то совсем недостойном тоне и обидел Вас. Простите меня. Я не хотел обидеть, я привык к тому, что Вы всё делаете хорошо, талантливо, умно. И неудача с первым вариантом Вашей диссертации (которую я не знаю) меня сначала удивила, а потом поразила досадой и даже болью. Видимо, в какой-то степени этот первый вариант неудачен. [...]

На Вашем пути есть какое-то препятствие, которое мешает Вам создать настоящему ценную работу, такую, чтобы она стала Вашей гордостью и нашей общей гордостью (потому что мы все «дятлы» — вместе с Вами).

Я предполагаю, что этим препятствием является прикованность Вашего внимания к проблеме «язык и речь». Должна ли эта проблема пристально, «магистрально» исследоваться в Вашей работе? Не является ли она чуждой Вашему научному миропониманию? Не отвлекает ли она Вас в сторону от того, что Вам по настоящему дорого? Не потому ли с ней такое мученье?

Из того краткого рассказа о диссертации, который я слышал от Вас, я сделал вывод (возможно, неуместный, то есть идущий вразрез с Вашими намерениями), что интереснейший подход к языку в диссертации — это различение таких случаев, когда текст однозначно показывает выбор интонации, и таких, когда есть — при данном тексте — выбор интонации той

или другой, или нескольких возможных. Мне кажется, это могло бы стать истоком важнейших языковых наблюдений и выводов.

В Ваших работах меня всегда привлекало умение видеть язык и научно-понятийно, и эмоционально-эстетически. Это украшает Ваши работы. Надо сделать это гармоническое сочетание определяющим и в Вашей диссертации. По-видимому, следует что-то доделать именно в области более чёткой отграниченности понятий.

Хорошо бы устроить дружеское обсуждение Вашей диссертации. [...]

Суперсегментность — не моя область, поэтому я приезжаю позже (с работы или из Ленинской библиотеки), и мы все вместе пьём любительский чай.

Не сердитесь. Я люблю Вас, умница Галя — Вы моя первая ученица. «Моя первенькая (или: первенький)», — говорят мамы. Вот и я вроде этого говорю.

Хочу, чтобы Ваша талантливость всегда торжествовала.

Ваш Панов М.»

Разговоры о живописи — отдельная тема. М. В. хорошо знал и понимал живопись, особенно любил художников начала XX в. Собирали книги и альбомы по искусству. Сколько их было! И какие!

Я же все свои школьные и студенческие годы не столько училась, сколько оформляла стенгазеты, и поэтому называлась художником. В нашем Потемкинском институте выпускали газету «Литфаковец», на семи листах, раз в месяц. Художников двое — Света Осмоловская и я; нередко мы вдвоём делали всю газету и подписывались: редактор — Осмоловская, художник — Лукьянова, а в следующем номере наоборот: редактор — Лукьянова, художник — Осмоловская. Михаил Викторович вёл лингвистический кружок и задумал выпускать газету «Языковед». В качестве художника пригласил меня. Тут впервые моя оформительская деятельность от безудержной свободы перешла к жёстким требованиям строгого заказчика. Интересное сопоставление: как научный руководитель Панов предоставил мне полную свободу в работе над кандидатской диссертацией; он, как Кутузов, ничему хорошему не мешал и ничего плохого не пропускал. Зато как редактор газеты он ни одной линии не разрешал провести без его

согласия; он видел газету целиком и добивался единства формы и содержания. Строгость формы, считал он, заключена в графике и цвете. Каждая газета была подчинена одной тематике и должна быть выдержана в строгой полиграфии, а все газеты должны сохранять оформительскую общность: в центре крупными буквами «языковед», а по бокам — «плечи» из таких же узоров, которые были в буквах.

Моё художество заключалось в рисовании букв. На листе А4 помещалась отдельная буква, которую я рисовала дома на отдельных листах. Тематика рисунка была задана. Так, в первой газете буквы и плечи были сделаны вязью (красный — чёрный — белый), другой номер имел берёзовую тональность, потому что посвящался новгородским берестяным грамотам. М.В. попросил нарисовать берёзовые буквы — и я рисовала их акварелью прямо с натуры — с берёзового полена, а изгибами служили тёмные прутья с почками. Задание для следующего номера — вологодские кружева. Долго не знала, как показать в газете белизну кружев. Помог мой знакомый Ваня — студент художественно-промышленного училища, который нарисовал пробную букву с помощью циркуля белой гуашью на серой грубой бумаге — и вся газета была сделана на такой бумаге, но казалась воздушной. Ваня нарисовал все буквы, используя в великолепных узорах разную толщину линий и плотность гуаши.

Окончательный этап газеты проходил дома у М.В. на Кировской. Приходили всем кружком — и трудились до ночи. Незабываемые дни. Мы и так все были влюблены в него, а дома он казался особенно милым и остроумным.

Всего этих газет было пять или шесть и выходили они в течение одного года. М.В. хранил их в институте Русского языка и несколько раз говорил о том, чтобы их сфотографировать и издать.

Кружок и газета были тем необходимым звеном, которое в нашей жизни определило путь в науку. М.В. незаметно вовлекал нас в лингвистику, и мы с первого курса уже почувствовали её вкус. Многие из кружковцев так всю жизнь

и находились вблизи Панова. Это Галя Барина, Надя Ильина, Лена Иваницкая, Света Кузьмина, Маша Столярова, Ира Мосалева, Эля Полякова (Николаева), Люда Сопикова (Гончар), Нина Леонтьева, Женя Орлова (Джанджакова), Света Борунова, Люся Максимова (Чельцова), Оля Самойленко (Крылова) и её муж Никита Крылов, который, правда, шёл своей дорогой и на которого М.В. возлагал большие надежды, и не ошибся.

М.В. был настоящим педагогом и безошибочно определил в нас наше будущее.

Поэтому когда я поступила в аспирантуру на кафедру И. А. Василенко и попросила М.В. стать моим научным руководителем, он сразу же согласился и написал Ивану Афанасьевичу письмо, которое тот показал мне: «...*Рад, что Галя поступила на Вашу хорошую кафедру. Я согласен руководить ею, если она согласится взять тему, мне понятную. Верю, будет она настоящей учёной.*»

Свою страсть к оформительству М.В. сохранил до последних лет. Когда он устраивал заседания «Дятла», то помимо обязательных протокольных фигур — председателя, секретаря и докладчика, полагалось ещё назначить оформителя, который должен был нарисовать обложку и титульный лист. Для обложки М.В. покупал хорошую плотную бумагу, из которой делалась папка, и в этой папке помещались все материалы заседания: доклад, протокол дискуссии с подробными вопросами и ответами, а в разделе «разное» — всё, не относящееся к теме: рассказы, шутки, что ели, о чём говорили. За оформлением обложки обычно все заинтересованно следили, понимая важность момента.

На титульном листе все расписывались разными фломастерами — и здесь М.В. нередко требовал, кто, где и каким цветом должен поставить свою подпись. Чтобы было красиво. Торжественно отмечали 100-й выпуск «Дятла». Создавалось впечатление, что М.В. верил, что материалы этих заседаний когда-нибудь пригодятся и привлекут интересы будущих лингвистов. Но как это будет на самом деле? Да и где сейчас эти дятловские папки?

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сребрянская Н. А., д.филол.наук, проф.

О, великий, могучий, многострадальный русский язык!

В последние годы российские чиновники всё активнее стали производить такие манипуляции с русским языком, что всё чаще приходится вспоминать Дж. Оруэлла и его Новояз. Они навязывают нам свои новые слова или новые значения известных слов. В результате происходит десемантизация слов, т.е. утрата словом своего лексического значения. На первом месте — очень понравившееся чиновникам слово «оптимизация». Слово красивое, звонкое, приятное. Происходит от латинского *optima* — *лучший*. Оптимизировать значит улучшать. Но слово настолько изуродовали, что простые люди уже боятся оптимизации: объявили оптимизацию — жди беды. Приведу примеры.

Несколько лет назад жители Воронежа обнаружили в своих почтовых ящиках листовки, в которых говорилось, что «в целях *оптимизации* обслуживания населения, тарифы на телефонную связь со следующего месяца составят...» Были указаны новые тарифы на телефонную связь, которые значительно превышали прежние.

Ещё пример оптимизации. Правительство объявило оптимизацию выплат по листкам нетрудоспособности (больничным листам) и отпускных. Было объявлено, что теперь в результате нового порядка начисления выплаты увеличатся. Действительно, порядок изменился. В результате хитроумного вычисления оплата больничного листа никогда не составит 100% зарплаты, как было раньше. Таким

образом, *оптимизация* стала означать уменьшение выплат, ухудшение.

«Оптимизация» настолько понравилась чиновникам, что они узурпировали это слово. Незадолго до кампании по закрытию вузов и школ центральные каналы ТВ и средства массовой информации провели подготовку населения к предстоящим «новшествам». В октябре 2012 г. один из приглашённых на телевидение специалистов на 1 канале много говорил о заботе правительства о населении. Он говорил, что депутаты Государственной Думы активно обсуждают новый трудовой кодекс, готовится процесс оптимизации. Предусматривалось повышение зарплаты врачам, учителям средних школ и преподавателям вузов. Средства будут изысканы благодаря оптимизации кадров и учреждений. «Что это значит?» — задал риторический вопрос приглашённый специалист. И сам дал ответ. «Это закрытие и ликвидация неэффективных организаций, то есть увольнение кадров и ликвидация поликлиник, школ и вузов» — цинично сказал он, сразу же установив новое значение слова *оптимизация* — *увольнение, ликвидация*. Слово *оптимизация* в значении *ликвидация, закрытие, увольнение* уже широко используется в сфере образования и здравоохранения, и никто не смущается и не удивляется этому значению.

Слово подхвачено СМИ, руководителями предприятий, рядовыми сотрудниками. Все, не моргнув глазом, говорят об оптимизации школ, вузов, роддомов, поликлиник, станций скорой помощи, фельдшерских пунктов, имея в виду их закрытие, ликвидацию; и тут же разводят руками: «Куда же теперь идти лечиться? Где ребёнку учиться?»

В ходе подготовки этой статьи неожиданно и впервые за все годы издевательств над этим словом с удовлетворением прочитала в газете строки, полностью совпадающие с вышеупомянутыми наблюдениями. В статье речь идёт о закрытии родильных домов. Приведу строки полностью. «О том, что женщины России оказались в интересном положении (негде рожать), "Новая газета" писала ещё 8 лет назад, когда повсеместно начали закрывать (*подчёркивание наше*) родильные отделения, объясняя преобразования в нашей медицине латинским словом «оптимизация». Хотя вряд ли в Древнем Риме в это слово вкладывали подобный смысл, и вряд ли маму

Горация возили рожать из Венузия в Рим на колеснице. За время оптимизации были сотни сообщений о закрытии родильных домов и родильных отделений в посёлках, районных центрах и даже городах. И сегодня подобные новости идут лавиной. Мелькают прямолинейные заголовки типа «Оптимизация медицинских учреждений в Забайкальском крае лишает жителей небольших посёлков роддомов и поликлиник». Или загадочное: «В двух городах Мурманской области рождаемость упала до нуля». Что, спрашивается, случилось в Апатитах и Ковдоре? Оказывается, женщины этих городов рожают теперь в Мурманске, Мончегорске, или на шоссе Мурманск — Санкт Петербург»¹. Таким образом, слово *оптимизация* употребляется в своём противоположном значении — *ухудшение*.

Ещё одно слово-перевертыш — это *реконструкция*, которое тоже стало означать *уничтожение*. Несколько лет назад воронежская пресса писала о сносе памятника истории и архитектуры у Петровского сквера. Потом снесли памятник архитектуры на ул. Платонова, потом ещё и ещё. Как могло такое произойти? А очень просто. Чиновник написал на плане «*реконструкция*». Слово красивое, не придерёшься, только значение чудовищное — *уничтожение*. Для большинства наивных несведущих людей реконструкция означает созидательное преобразование. Но только не для чиновников и строительных компаний. В их узком кругу это слово означает только одно — уничтожение, ликвидация, снос одних зданий и возведение коммерческой застройки.

Один человек рассказывал, что в одном чиновничьем кабинете он увидел план гаражного кооператива, где гаражи были перечёркнуты и написано *РЕКОНСТРУКЦИЯ*. Он понял, что судьба гаражей решена.

Где *реконструкция*, там и *развитие*. В городах сносят памятники истории и архитектуры, называя их ветхими строениями; вырубается парки, скверы, бульвары. На их месте строят супермаркеты. По телевидению с умным видом на полном серьёзе депутаты вещают, что «Город должен *развиваться*. Идёт активное градостроительство и *развитие* городской среды». Значит, развитие возможно только за счёт уничтожения

¹ Бронштейн Б. Не родись в машине // Новая газета, 10.02.2014. № 14. С. 4.

нашей исторической памяти, прекрасной архитектуры, зелёных парков и вообще красоты?

Нельзя не сказать здесь ещё об одних из любимых словах в среде политтехнологов — *особый и специальный*. Кто не слышал об *особом порядке судебного разбирательства, особом режиме в тюрьмах, особом отделе в учреждениях, особом режиме безопасности, отрядах специального назначения — спецназе, специальном субъекте преступления, спецприемнике*? Станным образом все они связаны с властью, с мерами и средствами подавления людей и употребляются в значении *более жёсткий, жестокий, ужесточённый*. Сейчас появились новые словосочетания: *специальные представители президента, специальные тарифы и др.* Появились и автомобили, оборудованные *сигналами*, появился *спецпроезд, спецобъекты*, чётко указывающие на абсолютное преимущество отдельных представителей власти перед народом страны на передвижение в автомобиле без соблюдения правил дорожного движения, на строительство дачи в заповедной зоне и охрану её усиленными средствами и пр. А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГЕ» писал, что эти слова пользовались большой популярностью у сотрудников НКВД и означали, как правило, изощрённые пытки и жестокость. Если считать, что в XX в. у слов *специальный* и *особый* появилось новое значение — *жестокый, привилегированный для власти* — то как тогда понимать «особый путь России» с её суверенной демократией?

Такое впечатление, что мы в Зазеркалье и слова обозначают прямо противоположное тому, что мы знаем об их значениях и ожидаем услышать. Шалтай-Болтай объясняет: «*Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше*». Именно так и поступают наши чиновники, обладающие большой властью и пытающиеся подчинить себе не только людей, но и язык, и отдельное слово. Алиса отвечает Шалтаю-Болтаю: «*Вопрос в том, подчинится ли оно Вам?*»²

Почему же некоторые люди, как Шалтай-Болтай, считают себя в праве менять законы языка? А потому, что они, вероятно, уверены во вседозволенности для себя.

² Кэррол Л. Сквозь зеркало и что Алиса там увидела. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. С. 178.

Безусловно, такая «игра» словами наносит вред русскому языку, искажая его словарный состав, деформируя значения и, как следствие, весь русский язык. Манипулирование словами — хорошо известный политический приём, о котором немало писали отечественные лингвисты А. П. Чудинов³ и Е. И. Шейгал. «Манипулятивное использование слов <...> упрощает и искажает картину реальной действительности, особенно за счёт установления ложных каузальных связей (общественное негодование направляется не на истинного виновника или причину негативных явлений); <...> они притупляют способность людей к критическому осмыслению действительности»⁴. В результате чиновники, политики, идеологи используют свой политический дискурс с целью выполнения его основных функций: использование языка в качестве инструмента политической власти для укрепления приверженности системе, установления социальной солидарности, групповой идентичности, ориентации народных масс⁵.

К числу политических языковых приёмов отнесём и такой классический приём политического дискурса, как употребление заимствованных слов, значение которых непонятно подавляющему большинству людей: *транспарентные цели, обзавестись эндаументом, волатильность рынка, деривативы, фьючерсы, хеджирование, беквардейши* и пр.

Британский писатель Дж. Оруэлл в 1948 г. смоделировал и описал процессы, которые мы сегодня наблюдаем в нашей стране, в том числе с русским языком. Подмена понятий, замена знаков плюс на минус и минус на плюс в значениях слов являются характерной чертой мира, описанного в романах этого писателя.

В этом контексте вспоминаются не такие уж далёкие реалии нашей жизни. Э. Радзинский приводит записанные им воспоминания одного из старых большевиков: «Большевистские документы — особые. Если там написано "мирная демонстрация", скорее всего это — вооружённое восстание. Общее правило: "да" — почти всегда значит "нет". И наоборот. Кто-то назвал

³ См., например: Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. М.: Флинта, 2006.

⁴ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Ин-т РАН; Волгогр. Гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. С. 308.

⁵ Там же.

этот язык "глубоким" — бездонный язык с двойными, тройными смыслами»⁶. Вряд ли Оруэлл имел доступ к архивам КПСС. Использование «глубокого» языка с «двойными, тройными смыслами» было собственной идеей писателя. И вряд ли он знал, что те языковые обороты, которые он придумал, в кулуарах власти когда-то уже были реальностью. «Новояз Дж. Оруэлла является таким языком, в котором комбинации знаков не соотносятся с комбинациями вещей, а высказывания не показывают логическую форму действительности, но маскируют её или, точнее говоря, деформируют и скрывают её»⁷. На языке Новояз лагерь принудительного труда был назван лагерем радости. Аналогично были выдвинуты лозунги *Война — это мир, Свобода — это рабство, Невежество — это сила*⁸.

Достроим логический ряд Дж. Оруэлла и, продолжая его, получим следующее:

Лагерь радости — это лагерь принудительного труда.

Война — это мир.

Свобода — это рабство.

Невежество — это сила.

Оптимизация — это уничтожение.

Реконструкция — это разрушение.

Особый, специальный — жестокий, привилегированный.

Эти слова противоположны, антонимичны самим себе. Что касается парадигматики этих слов-первёртышей, то в результате сознательного искажения их значений эти слова вступают в такие парадигматические отношения, которые иначе, как изуродованными и искажёнными не назовёшь: антонимы становятся синонимами и наоборот.

Всё это наносит вред русскому языку. Сегодня мы наблюдаем процесс его сознательной деформации, искажения, уродования.

С 1948 г., т.е. времени создания романа Дж. Оруэллом, придуманный писателем язык «Newspeak» (новояз) стал терминологическим названием для речевых реализаций основных особенностей тоталитаризма. Новояз является инструментом внедрения тоталитарной культуры

как в государственную практику, так и в повседневную жизнь»⁹.

Некоторые исследователи считают, что Дж. Оруэлл предвосхитил многие лингвистические идеи, связанные с «заложёнными в языке возможностями манипулировать сознанием и осуществлять социальную власть»¹⁰. Писатель показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать её правдой¹¹.

Описанный Дж. Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии. Однако история показывает, что даже самые невероятные предположения могут воплощаться в реальность.

Таким образом, великий и могучий, но многострадальный русский язык в настоящее время претерпевает насилие над ним с нескольких сторон. На русский язык оказывают давление силы, действующие в сторону искажения языка. Это и засорение русского языка англицизмами, бессмысленно заимствуемыми сейчас из американского варианта английского языка; это и повсеместный сленг и жаргонизмы; это и нецензурная брань, проникающая в литературный язык через СМИ; это и универбация, в результате которой образуются множество разговорных форм, вытесняющих словосочетания литературного языка. Наконец, это манипулирование словами и их десемантизация в политических целях.

Больно смотреть на молодых людей с гордостью употребляющих жаргон, сленг и английские словечки, зачастую неправильно употреблённые. И.С. Тургенев имел шанс находить утешение в русском языке: «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» — счастлив был восклицать русский писатель — «Не будь тебя как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»

У нас, похоже, этот шанс ощущать поддержку и опору русского языка пытаются отнять. Неужели останется «впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома»?!

⁶Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997. С. 110.

⁷Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. С. 127.

⁸Orwell G. Nineteen eighty four. Animal farm / G. Orwell. Harcourt, 1974.

⁹Зильберт Б.А. Лингвистические и риторические эквиваленты сущностных черт тоталитарного сознания (на примере советского «новояза») [Электронный ресурс] // URL: <http://www.science-education.ru/104-6446> (дата обращения: 19.03.2014).

¹⁰Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. С. 5.

¹¹Там же. С. 11.

Литература

1. Бронштейн Б. Не родись в машине // Новая газета, 10.02.2014. № 14. С. 4.
2. Зильберт Б.А. Лингвистические и риторические эквиваленты сущностных черт тоталитарного сознания (на примере советского «новояза») [Электронный ресурс] // URL: <http://www.science-education.ru/104-6446> (дата обращения: 19.03.2014).
3. Кэррол Л. Сквозь зеркало и что Алиса там увидела. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. — 226 с.
4. Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997. — 637 с.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. М.: Флинта, 2006. — 256 с.
6. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвэкология). Волгоград: Перемена, 1998. — 149 с.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Ин-т РАН; Волгогр. Гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
8. Orwell G. Nineteen eighty four. Animal farm / G. Orwell. Harcourt, 1974. — 385 p.

ЭТНОКУЛЬТУРЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Бондарева Н. И.

Малые жанры фольклора на сельской свадьбе в начале XX века

Село Вышние Пены богато традициями и обрядами. Особое место среди обрядов занимает свадьба. Сельская свадьба — это выверенный и последовательный ритуал, в котором всё расписано по деталям. Каждому участнику этого обряда отводится определённая роль. В современной сельской свадьбе нашего села ещё сохранились некоторые элементы свадьбы начала XX в. Это — малые жанры, среди которых приметы, частушки, потешки, приговорки. Они самобытны и интересны. Знатоки фольклора утверждают, что в селе могли неправильно понять тех, кто на свадьбе «припел частушку» не в том месте или не на ту тему. Свадебный обряд включал и включает на селе до сих пор четыре этапа: сватовство, запой, свадьба и похмельянье (второй день свадьбы). Каждый этап имел свои определённые правила, приметы, порядок, своё фольклорное сопровождение.

Сватовство. Жених и невеста могли не знать друг друга до свадьбы. Выбирали пару им родители жениха или дед с бабкой. Выбирали по «природе»: какой отец, какая мать, были ли в роду судимые, как жил двор с соседями, чтоб не было в роду ленивых, крикливых, умственно отсталых. Второе условие, которое соблюдалось почти всегда — приданое. Богатые шли к богатым, бедные — оставались с бедными. Свататься ходили на «старом месяце». Говорили, что свататься надо идти, «напившись святой воды». Засылали сватов в дом невесты сразу после праздника Крещения. Сватьями были дед и бабка, позже стали ходить в этой роли родители жениха. Обряд сватовства имел определённые приметы и поверья. Например, перед тем, как идти свататься, обязательно молились Богу. В доме жениха перевязывали ножки стола его штанами, чтобы сватовство прошло удачно. Зайдя

в дом невесты, жених и его родители не переходили под матицу до согласия невесты. После согласия невесты родители проходили в дом и садились за стол. Сватовство начиналось с прибауток, шуток. Диалог мог быть конкретным или иносказательным: «У нас бычок, у вас тёлочка. Давайте нам до пары» или «Мы — купцы. У нас купец, у вас товар. Давайте торговаться». На сватовстве шёл сговор: согласна ли невеста выходить замуж, о приданом, если таковое имелось, и о дне «запоя». На сватовстве обсуждали и число приглашённых на «запой».

Запой. Запой был двух видов. Отличался составом приглашённых. Если приглашены только родственники невесты и жениха — это «запой», а если приглашены ещё и подруги невесты — это «пропой». Назначался запой через неделю-две после сватовства. В назначенный день запоя действие разворачивалось с полудня, часов с трех-четырех дня. Родня жениха приходила в дом к невесте, принося с собой спиртное, еду, пироги. Приходила и самая близкая родня невесты. Усевшись за празднично накрытый стол, шёл разговор о дне свадьбы, о количестве приглашённых на свадьбу гостей. После деловых разговоров звучали застольные песни: лирические, протяжные, жизненные, затем они сменялись плясками под гармонь и чащушками.

*«Отворю я в избу двери,
Погляжу я на цветы.
Моё сердечко замирает —
За столом сидят сваты».*

*«Сватайся, не сватайся, —
Нам с тобой не сладиться:
Ты старик, я девушка —
Не пойду за дедушку».*

*«Ты отдай-ка маменька,
Где семейка маленька,
Где золовок — девок нет. —
Без золовок — белый свет».*

*«За высокие хоромы,
Тятенька, не отдавай —
Человек дороже денег,
Человека выбирай».*

*«Я не сам гармонику красил,
Не сам лаком наводил.*

*Я не сам милашку сватал,
Отец с матерью ходил».*

Расходились далеко за полночь, договорившись о дне свадьбы. Между запоем и днём свадьбы мать невесты со свахой или родственниками приходили к жениху смотреть подворье. Представители невесты «обмеряли» окна, считали живность на дворе. Помнят в селе случаи, когда после визита родни невесты к жениху, свадьба не состоялась: беден жених. Обговаривали дары: кого из родственников жениха «обдаривать на свадьбе», т.е. дарить подарки. Такой визит можно назвать уточняющей беседой.

Свадьба. Обряд сельской свадьбы был уникален, размерен и требовал тщательной подготовки. Готовили праздничный стол, приданое, праздничную одежду, подарки родным жениха, различные атрибуты. Здесь важно было не упустить мелочей. Утром, в день свадьбы, в доме невесты собирались подруги. Их могло быть от двух до десяти. Назначалась «главная» подруга, которая «вела кон», т.е. знала, где какую песню спеть, где какую припевку или потешку «присказать». Все остальные подруги подчинялись ей на протяжении всего обряда: подпевали песни, устраивали хороводы. Подруги брали заранее пойманную хозяевами курицу, украшали разноцветными лентами и шли к дому жениха. По дороге пели, в основном, частушки.

*«Ах, спасибо тому дому,
Где жила я 20 лет,
А теперь пойду к другому,
Где родимой мамы нет».*

*«Бело платье надевала,
Становилась под венец:
Полубуйся, родна мама,
Что красе моей конец».*

*«Глупо сделала девчонка —
Замуж торопилась:
Увидала бабью жизнь —
Скоро прослезилась».*

Несколько раз останавливались, устраивали пляски. Ходоков от невесты называли «поезжане». Кстати, перетягивать верёвку через дорогу для откупа было нельзя — плохая примета. В доме жениха утро начинается с совершения обрядов от сглаза: в костюме жениха следует воткнуть иглу или булавку — оберег от дурного взгляда завистников или злопыхателей.

Придя к жениху, «поезжане» выпускали курицу на дворе или отдавали её хозяевам, а сами садились за праздничный стол. Жених садился тоже, сваха садилась рядом с женихом. Свахой была или крёстная жениха, или близкая родственница. В начале праздничного застолья сваха вставала, брала гребень и говорила: «Князь да бояре! Разрешите молодому Ивану кудри расчесать?» С этими словами она расчёсывала волосы жениха. Перекусив, поезжане брали жениха, сваху и ехали или шли «за невестой», то есть к невесте в дом. Сваха несла пирог жениха в дом невесты, где клала его рядом с пирогом невесты. Этими пирогами угощали всех гостей. Кстати, оставшийся после застолья хлеб никогда не засушивали на сухари — чтоб молодые «не сохли». Подходя к дому невесты, подруги оставляли жениха и быстро занимали место рядом с невестой. Подруги просили выкуп у «дружка» жениха. «Дружком» называли старшего на свадьбе (сейчас «тамада» — прим. автора). У «дружка» был отличительный знак: полотенце или рушник, перекинутый через плечо и завязанный внизу. Роль дружка в самом начале двадцатого века доверяли «ведунам» — тем, кто знал различные обереги. Впоследствии выбор падал на необидчивых, весёлых, общительных мужчин. В руках у него должна быть обязательно сумка, где находится самогон и закуска. На протяжении всей свадьбы «дружок» должен быть в первых рядах: наливать всем желающим по чарке. Желающих бывает много: они берут верёвки и перегораживают дорогу свадебному шествию или поезду, когда идут вместе жених и невеста. Вот тут-то и нужна находчивость «дружка» и его запасы в сумке — чтобы всем хватило и все остались довольны, выпив за здоровье молодых. Подруги просили за невесту выкуп — *«Сто рублей серебра и четверть вина»*. Называли «дружка» разными непристойными словами, ругали его. А «дружок» должен был плясать, да подешевле за невесту выкуп давать.

Подружки дразнили «дружка», не уступая место для жениха. Они пели потешки:

*«Тебе было не дружковать,
А тебе было свиной пасти
С долгою ломакою,
С чёрною собакою.
Наша девка не рублёвая,
Наша девка сторублевая...»*

«Дружко» должен быть скупым и долго не уступать. Были случаи, когда он отдавал выкуп монетами по одной копейке. Получалась большая горсть медяков. Выторговав выкуп у «дружка», подруги пели:

*«Продали мы девку за одну копейку,
Перины за четыре полтины,
Подушки за две полушки...»*

Вырученные деньги подруги делили или покупали на них сладости.

После этого сажали жениха на место главной подруги возле невесты, а все подруги шли во двор петь и плясать. Наплясавшихся подруг приглашали за стол. Кстати, невеста всё это время сидела укрытая большой чёрной шалкой (платком).

После небольшого застолья все гости выходили во двор. В доме оставались невеста, жених и родители невесты. Они благословляли молодых иконой, отдали её в руки невесте. Руки жениха и невесты перевязывали особым способом рушником перед тем, как они должны были выйти во двор. Во дворе невеста кланялась на четыре стороны, крестилась, просила прощения у отца и матери.

«Дружко» шёл впереди молодых до самых ворот, разметая веником дорогу, а в конце пути бросал его через крышу. Гости и приглашённые внимательно должны были следить за полётом веника. Если веник перелетел через крышу — брак будет удачным, если не перелетел и упал на двор — вернётся невеста назад. Вот где нужна была сила дружку!

После этого невесту забирали и вели (или везли) в дом жениха, а в доме невесты оставались подруги невесты «тушить овин», т.е. допивать, доедать, петь песни и плясать.

Из дома жениха молодые ехали венчаться в церковь, позднее, когда церкви были разрушены, стали просто расписываться в сельском совете.

Когда невесту привозили в дом жениха, её сажали за стол. Сваха повязывала её платком, помогала надеть праздничный сарафан. Не оставались без внимания и действия свахи. Самые острые на язык гости припевали: «Свашечка, повивай молодуху кругло».

Вечером в дом жениха съезжались гости. Родня невесты обязательно привозила четверть вина, копчёный окорок и «ряженный пирог». Свадебный поезд от невесты назывался «с калачами».

Невеста и жених не садились за праздничный стол, они должны были сидеть в отдельной комнате. Их выводили к гостям три раза. Первый раз под первую чарку, чтоб молодая одарила будущих родственников. Здесь тоже существовали свои законы: золовке — косник (украшение для волос), свёкру — рубаху, свекрови — вышитые рукава для пошива рубахи. Одаривая будущих родственников, невеста называла их «мама», «отец», золовок — по именам.

Второй раз выводили молодых «под стакан». Они кланялись и снова возвращались в отведённую для них комнату. Третий раз выводили молодых для того, чтобы их показать, и они опять уходили в комнату. Застольные песни сменялись частушками.

*«У милого на дому
Чесали голову мою,
Русые волосоньки
Делили на две косоньки».*

*«Скоро девушку посадят
За дубовенький стол,
На головушку наденут
Восковой белой платок».*

*«В руки свечку подавали
Со цветочком голубым.
Моё сердечко замирало
Меня венчают не с любым».*

*«Не потерянные кудри,
Не потеряна краса,
Только волюшка потеряна
Да русая коса».*

Похмелянье. На следующий день гулянье продолжалось в доме жениха. Невесту прятали, а родные невесты приходили в дом жениха, искать её. Позже стали на похмелянье «подставлять» (подменять) невесту, т.е. в подобие белого

платья одевался мужчина или смелая женщина. Они говорили, что невеста такая стала за одну ночь, шутили, развлекая пришедших гостей. Позже находили настоящую невесту. Застолье продолжалось. Набор частушек был несколько иной. Особой популярностью пользовались частушки про тещу:

*«Ой, тёща моя,
Старая, худая,
Приходи ко мне на ночь,
Будешь молодая».*

*«Ой, тёща, ты тёща, моя,
Несолёная капуста твоя,
Несолёная, не масленая,
Твоя дочка неласковая».*

Тёща не обижалась. Молодому человеку, не видевшему обряд свадьбы, который был в прошлом веке, покажутся странными и сами этапы свадьбы, и частушки, и приметы. Но почему-то молодёжь, когда дело касается личной свадьбы, просят старших вспомнить обо всех приметах. Мне удалось побеседовать с активными участниками свадеб прошлого столетия и записать их воспоминания. Ещё и сейчас они помнят много частушек и припевок, тексты которых были мною записаны. В перспективе можно будет создать сборник свадебных примет, частушек, разного вида приговорок. Видеосъемка появилась в селе только в самом конце XX в. Поэтому, каждое письменное свидетельство о фольклорном сопровождении свадебного обряда — уникально и неповторимо.

Помогли мне записать малые жанры фольклора:

Трунова Анастасия Матвеевна, 1918 г.р.
Бондарева Татьяна Максимовна, 1931 г.р.
Фролова Валентина Михайловна, 1941 г.р.
Бочарова Наталья Матвеевна, 1953 г.р.

Мифопоэтическая основа южнорусских «кузьмодемьянских» песен

Святые угодники Косма и Дамиан исстари почитались на Руси. С их именами связано множество преданий и примет. Главная из них — вера в способность святых исцелять от недугов, в особенности от укусов змей. На широкой территории восточных славян распространены поверья о Кузьме и Демьяне как о «божьих кузнецах-змееборцах».

В русской традиции этим святым отводили важную роль в заключении брачных союзов. На юге России, в частности, на территории Белгородчины и части прилегающей к ней Воронежской области, исследователями этномусикологами были записаны обрядовые песни, в которых некую Кузьму-Демьяну просят сковать свадьбу.

В легендах о божественном кузнеце, ковавшем первый плуг в сорок пудов, победившем страшного Змея и пропахавшем на этом Змее целую оборонительную линию, исследователи видят схожесть в содержании с летописным рассказом о Свароге, который научил людей ковать оружие. Он — отец Солнца и родоначальник огня. В древнерусской «Повести временных лет» с греческим богом-кузнецом Гефестом был отождествлён славянский Сварог: «Гефест изображён в русской летописи (в соответствии с византийской традицией) земным царём, при котором с неба упали кузнечные клещи и стали ковать оружие»¹.

Кузнец в славянской культуре соотносится с обликом Перуна, высекающего молнии. В более поздних народных поверьях образ громовержца заменяет сам Бог, преследующий чёрта: «Не треба брать дуба, шо ёго гроза разбье, на стройку, у хату, палиць на дрова не треба. Го-

ворять, на ёму тая сатана сидить и дражницца з Богом, и Бог ёго громом бье»².

Для настоящего исследования наиболее значимой является другая смысловая нагрузка образа святых Кузьмы и Демьяна — способность ковать брачные союзы. В этом аспекте примечательно мнение А. Афанасьева об определённой связи святых ковалей со Сварогом. Согласно «Повести временных лет» именно Гефест-Сварог ввёл обычай единобрачия (моногамии).

Брачная символика «божьих ковалей» Кузьмы и Демьяна наиболее ярко отражена в поэтике свадебного ритуала. Например, в Смоленской губернии парень обращался к отцу с просьбой о сватовстве так: «Батька родный, благослови своего дитя Кузьму гукать»³. В момент приезда жениха в дом невесты, где их ставят на одну половицу и связывают вместе полотенцем, с печного стола (т.е. с самого священного места в избе) кричат:

«Ты, Кузьма-Демьян! Скуй свадебку
Крепко-накрепко, долго-надолго!»⁴

В южнорусской свадебной традиции исследователями зафиксирован ряд песен заклинательного характера, обращённых к «Кузьме-Демьяну» с призывом сковать свадебку, соединить молодых на всю жизнь (см. Приложение).

Брачную символику содержат и обрядовые действия холостой молодёжи, разыгрываемые во время празднования *кузьминок*. Примечательно, что празднование *кузьминок* в крестьянском календаре соответствует периоду свадеб. Возможно, воспроизведение элементов свадебной игры холостой молодёжью в период празд-

² «Народная библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. Беловой; отв. ред. В. Я. Петрухин. М., 2004. С. 50.

³ Гиппиус В. Кузьма-Демьян в украинском фольклоре // Этнографический вестник. Киев, 1930. Вып. IX. С. 12.

⁴ Там же. С. 11.

¹ Петрухин В. Я. Кузнец // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 234.

нования кузьминок, определённым образом способствовало скорейшему переходу в новый социальный статус.

Подводя итоги осмысления мифологической основы образа Кузьмы и Демьяна отметим, прежде всего, его многогранность. Наиболее значимые характеристики образа проявляются в связи с архаичным змееборческим мифом; в воплощении элементов культов Перуна и Сварога; в доминировании символики брака и плодородия.

Особенности поэтического строения. Основу поэтики «кузьмодемьянских песен» составляет единая модель, построенная по принципам заклинаний. Вначале текста содержится обращение к святому, а затем требование желаемого:

«Головка великая, Боже мой,
Да скуй же нам, Боже мой, свадебку!
Да Катю с Серёжею, Боже мой.
Да двух порожённых, Боже мой,
Да двух басловлённых, Боже мой.
На житье-бытье, на богатство,
На сынов на ясных соколов,
На дочерей на природненьких».

Кроме исходной модели, обозначенной выше, тексты могут содержать и вторую часть с величанием молодожёнов:

«А у святом венчаньцу
Два голубя венчаются,
Сизенький да беленький.
Сизенький голубочек —
Иванечка Васильевич.
Белая голубушка —
Манечка Ивановна».

Основными персонажами «кузьмодемьянских» песен являются: матушка Кузьма-Демьяна или Боже Кузьма-Демьяна, молодожёны, святые Кузьма и Демьян и поп (редко). Важно отметить, что в зачине песни содержится обращение к Кузьма-Демьяне как женскому божеству, а далее святые упоминаются по отдельности.

Примечательно, что текстовая модель не имеет сюжетной линии как таковой. Филологи отмечают эту деталь как наиболее характерную для ритуальных песен вообще. Ю. В. Круглов выделял следующие признаки ритуальных текстов: исполнение песни хором, в самом тексте описываются события, происходящие только в настоящее время — как правило, это монологи-обращения⁵. Все эти признаки в полной мере

соответствуют и рассматриваемым в исследовании текстам.

Рассматриваемые в данной работе песни в этнографическом контексте проявляют двойственность. С одной стороны, «кузьмодемьянские» песни получили точечное закрепление в ритуале (на запое, во время выпечки каравая, на девешнике, при встрече молодых после венчания), в связи с чем можно говорить об их обрядовой функции. Однако, известно, что обрядовые тексты должны раскрывать происходящие в ритуале события или давать им комментарии какого-либо рода (см. вышеуказанную работу Ю. Круглова). С другой стороны, нельзя не отметить локальные «разночтения» в закреплении одного сюжета — в каждом селе «кузьмодемьянский» текст исполняется во время свадебной игры.

Возможно, разгадка двойственности этнографического контекста заключается в самой структуре напевов. Двухчастный принцип строения рассматриваемых текстов находится в основе поэтики, ритма стиха и ритма напева. Так, первая заклиная часть играет роль ритуальных текстов-оповещений. Структура ритма напева и ритма стиха этой части вполне соответствуют южнорусским свадебным песням, выполняя опосредованно своеобразную юридическую функцию⁶. Возможно предположить, что эта часть текста исполнялась в доме невесты во время благословения молодых по аналогии с поэтикой, в которой просят Кузьму-Демьяну «басловить». Другой вариант звучания напева, возможно, соответствовал обряду повивания, перед началом которого свашки просят у Бога благословения.

Вторая часть песни соотносится с величальным текстом, героями которого могли быть не только невеста и жених, но и другие свадебные чины — например, свашка. Для сравнения ниже приводится вторая часть «Кузьмы-Демьяна» и величальная свашке Чернянского района Белгородской области:

«Кузьма-Демьяна» — исполнялась на запое (вторая часть)

Мы пойдём ряд по ряду,
Мы найдём мы голову,
Голову да почётную —

⁵ См. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни: учебное пособие. М., 1989. С. 16–28.

⁶ См. Сисоева Г. Я. Музыкальный стиль мамонских свадебных песен // Свадебные песни Верхнемамонского района. Воронеж, 1999. С. 23.

Ивана Петровича.
Он ныня всю ночь не спал,
Он ныня думы думал,
Он не один, он с дружкой,
С дружкой Татьянушкой.
Дружка его Татьянушка,
Сердца его Егоровна!

(с. Русская Тростянка Острогожского района Воронежской обл.)

«Мы пойдём ряд по ряду» — величальная свашке на свадьбе

Мы пойдём кругом-рядом
Па бальшим па баярам.
Мы найдём себе свашенькю
Свашенькю боярыню
Городскую барыню
Не садися к нам лицом,
Перевернися к нам бачком
Вот табе чарочка с винцом
И капеичка с капьем...

(с. Верхнее Кузькино Чернянского района Белгородской области)

Как известно, величальные песни не имеют строго фиксированного закрепления в ритуале. Наоборот, одна и та же песня могла исполняться несколько раз в различные моменты свадьбы. Вероятно, по причине двойственного содержания эти напевы могли являться зачинами всего цикла обрядовых песен⁷. То есть, с одной стороны, они выполняли обрядовую функцию, начиная конкретное свадебное событие, с другой стороны, дублировались на протяжении ритуала (подобно величальным песням).

Таким образом, суммируя результаты анализа поэтического, ритмического строения «кузьмодемьянских» песен, а также, учитывая этнографические сведения, мы можем заключить, что архаичные славянские тексты претерпели значительные изменения в своей первоначальной структуре. Этот факт можно объяснить историческими сведениями — вторичной колонизацией южной окраины Московского государства в XVI–XVII вв. Как отмечают исследователи, в этот регион мигрировали переселенцы с различных территорий, к тому же различные по социальному статусу⁸. Музыковеды отмечают, что в южнорусском регионе сформировалась

иная жанровая система⁹. В результате некоторые напевы утратили первоначальную функцию и получили вторичную приуроченность. Как следствие, изменилась и их структура.

Островная фиксация «кузьмодемьянских» песен напрямую связана с потоком расселения славянских племён или конкретных селений. К сожалению, сейчас мы не можем сделать таких масштабных выводов, поскольку не располагаем музыкально-этнографическими материалами о свадебной традиции коренных славянских поселений.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. СПб., 2002. Т. 2.
2. Белова О. Кузьма и Демьян // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3.
3. Гиппиус В. Кузьма-Демьян в украинском фольклоре // Этнографический вестник. Киев, 1930. Вып. IX.
4. Житие святых святителя Дмитрия Ростовского. М., 2007. Т. 3. Ноябрь.
5. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
6. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни: учебное пособие. М., 1989.
7. «Народная библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О. Беловой; отв. ред. В. Я. Петрухин. М., 2004.
8. Петрухин В. Я. Кузнец // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
9. Русская свадьба / Под ред. А. С. Каргина: В 2-х т. М., 2000. Т. 1.
10. Русская свадьба / Под ред. А. С. Каргина: В 2-х т. М., 2001. Т. 2.
11. Рыбаков Б. Н. Язычество древних славян. М., 1981.
12. Сысоева Г. Я. Музыкальный стиль мамонских свадебных песен // Свадебные песни Верхнемамонского района. Воронеж, 1999.

Приложение

Тексты южнорусских свадебных песен о Кузьма-Демьяне

№ 1

Выш(е)ла ли Боже, душель моё, ох
Кузима-Демьяна, душель моё,

⁹ См. Гиппиус В. Указ. соч.

⁷ См. комментарии А. Иванова к песням № № 109–111. Русская свадьба / Под ред. А. С. Каргина: В 2-х т. М., 2000. Т. 1.

⁸ См. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

Кузима-Демьяна, душель моё.
Кузима-Демьяна, душель моё ох
Сталины стояли, душе моё,
Сталины стояли, душель моё.
Да двум молодёнам, душе моё
Да двум паражёнам, душель моё
Да двум паражёнам, душе моё.
Первой маладён да Иванушка
Да и вот маладён Николаевич
Другой маладён да то Марьюшка,
Другой маладён, да Ивановна,
Другой маладён, да Ивановна.

№ 2

Баслови, Боже, душель моё.
Кузьма-Демьяна, душель моё
Сталина стояла, душель моё
Свадьбу ковала, душель моё.
Да двум молодёнам, душель моё.
Да двум порожёнам, душель моё.
Первый молодён — то Сергеюшка.
Первый молодён — Владимирович.
А второй молодён — Олечка.
А второй молодён — Владимировна.
Кузьма-Демьяна, душель моё.
Скуй же ты крепко, душель моё.
Да крепко-накрепко, душель моё.
Да до старого веку, душель моё.
До седой головушки, душель моё.
До белой бородушки, душель моё.

№ 3

Господи Боже, басылови ¹⁰!
Кузьму-Демьяну Бог нам дал
Свадьбу ковали Бог нам дал
Двух молодых Бог нам дал
Двух пороженных Бог нам дал
Двух крещёных Бог нам дал
Первая молодена —
Иванечка Васильевич
Другая молодена —
Манечка Ивановна.
Там лежали три дорожечки,
Три пути, три дороженьки.
Да три торных стежечки.
По первому по путику
Шли Кузьма с Демьяною.
По другому по путику
Шёл поп с причастием.
По третьему по путику
Шёл Иван с Марьею.

Они не ко Божьему суду,
Они ко святому венчаньицу.
А у святом венчаньицу
Два голубя венчаются,
Сизенький да беленький.
Сизенький голубочек —
Иванечка Васильевич.
Белая голубушка —
Манечка Ивановна.

№ 4

Господи Боже, баслови да,
Господи Боже, баслови!
Кузьму-Демьяну Бог нам дал,
Свадьбу ковали, Бог нам дал!
Двух молодёнов Бог нам дал,
Двух порождённых, крещёных:
Первая ж молодёна —
Геночка ж Алексеевич,
Другая молодёна —
А Ниночка ж Николаевна.
От Николаева двора
До Лексеева подворья
Лежали три путика,
Три пути ж долиною,
С доброю годиною,
С доброю годиною.
По первом по путику
Шла Кузьма с Демьяною.
По другом по путику
И шёл Спас с Пречистою.
По третьем по путику
Шёл Гена ой с Ниною
Шли ко Божьему суду,
Ко святому венчанью.
А в святому венчанью
Два голубочка вилися.
Сизенький да беленький,
Сизенький да беленький.

№ 5

Кузьма-Демьяну Бог нам дал,
Ой, Бог нам дал, Бог нам дал!
Двух молодёнов Бог нам дал,
Ой, Бог нам дал, Бог нам дал!
Двух порождённых Бог нам дал,
Ой, Бог нам дал, Бог нам дал!
Двух хрещённых Бог нам дал,
Ой, Бог нам дал, Бог нам дал!.

№ 6

Кузьма-Демьяна, ладо моё
К столе стояла, ладо моё,
К столе стояла, ладо моё!

¹⁰ Каждая строка исполняется дважды (произносится «басылови»)

К столе стояла, ладо моё,
Свадьбу ковала, ладо моё,
Свадьбу ковала, ладо моё!
Две молодёны, ладо моё,
Две порожёны, ладо моё,
Две порожёны, ладо моё!
Первая молодёна —
Что Сергей то Викторович,
Что Сергей то Викторович.
Другая молодёна —
Татьяна то Павловна,
Татьяна то Павловна.
Ох, им жить-пожить
На сто годов, на тысячу,
До седой бородушки,
До белой головушки.

№ 7

Кузьма-Демьяна, ладо моё,
Кузьма-Демьяна, ладо моё!
Скуй нам свадьбу, ладо моё,
Скуй нам свадьбу, ладо моё!
Мы пойдём ряд по ряду,
Мы найдём мы голову,
Голову да почётную —
Ивана Петровича.
Он ныня всю ночь не спал,
Он ныня думы думал,
Он не один, он с дружкой,
С дружкой Татьянушкой.
Дружка его Татьянушка,
Сердца его Егоровна!

Комментарии

«Вышла ли Боже» — свадебная. Записана И. Н. Карачаровым в 2000 г. с. Солдатское Ракитянского района Белгородской области от исполнителей: Ефимовой Пелагеи Петровны 1931 г.р.; Исаевой Веры Фёдоровны 1943 г.р.; Исаевой Нины Владимировны 1937 г.р.; Данченко Анны Егоровны 1945 г.р.; Марченко Таисьи Архиповны 1936 г.р.; Литвиновой Прасковьи Прохоровны 1946 г.р.; Черкашиной Екатерины Сидоровны 1941 г.р.

«Благослови, Боже, душель моё» — свадебная, исполнялась в начале свадьбы. Записана И. Н. Карачаровым в 1995 г. в с. Лаптевка Ракитянского района Белгородской области от исполнителей: Поволяевой Анны Тимофеевны, 1917 г.р.; Круговой Евдокии Устиновны, 1914 г.р.; Фёдоровой Нины Алексеевны, 1915 г.р. Опубликовано в сборнике «Песенная традиция

бассейна реки Псел». Белгород, 2004. С. 211–212 (№ 53).

«Господи Боже, благослови» — пели при встрече молодых в доме жениха. Записана И. Н. Карачаровым в 1983 г. в с. Купино Шебекинского района Белгородской области от исполнителей: Ишковой Домны Филипповны, 1914 г.р.; Ениной Пелагеи Яковлевны, 1910 г.р.; Бочарниковой Ефросиньи Яковлевны, 1908 г.р.; Нехаевой Марии Фёдоровны, 1914 г.р.; Бочарниковой Марии Архиповны, 1913 г.р.; Бочарниковой Анны Фёдоровны, 1915 г.р. Опубликовано в сборнике «Народные песни сёл Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области». Белгород, 1995. С. 69–70. (№ 30).

«Господи Боже, баслови» — исполнялась на пропиванках. Записана А. Н. Ивановым, М. М. Крюковой, И. Г. Максимовой в 1995 г. в с. Сурково Шебекинского района Белгородской области от исполнительницы Ф. В. Астаповой, 1913 г.р.. Опубликовано в сборнике «Русская свадьба». Т. 1. С. 227–228. (№ 109).

«Кузьма-Демьяну Бог нам дал» — заклинательная песня-зачин. Записана в 1998 г. в с. Терновое Корочанского района Белгородской области от исполнительницы Т. Г. Калашниковой, 1924 г.р. Опубликовано в сборнике «Русская свадьба». Т. 1. С. 459.

«Кузьма-Демьяна, ладо моё» — заклинательная песня-зачин всего цикла обрядовых песен, «девишная, когда учиняют каравай», при замешивании теста тремя девушками днём в субботу перед свадьбой. Записана В. Г. Ивановой, А. Н. Ивановым в 1984 г. в с. Русская Тростянка Острогожского района Воронежской области от исполнителей: А. Т. Бражниковой, 1928 г.р.; Ф. М. Бражниковой, 1918 г.р.; Е. У. Бражниковой, 1928 г.р.; А. И. Лахиной, 1906 г.р.; П. С. Рассохиной, 1917 г.р.; Н. С. Уваровой, 1914 г.р.; А. С. Халахолиной, 1931 г.р. Опубликовано в сборнике «Русская свадьба». Т. 1. С. 228–229. (№ 110).

«Кузьма-Демьяна, ладо моё» — заклинательная песня дружку на запое за столом. Записана А. Н. Ивановым, И. В. Новичковой в 1991 г. на хуторе Красный Пахарь Платавского с/с Репьевского района Воронежской области от исполнителей: П. Е. Вяльцевой, 1908 г.р.; Т. Е. Золотарёвой, 1921 г.р.; М. Е. Калугиной, 1926 г.р.; Д. П. Попова, 1927 г.р. Опубликовано в сборнике «Русская свадьба». Т. 2. С. 158–159. (№ 400).

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

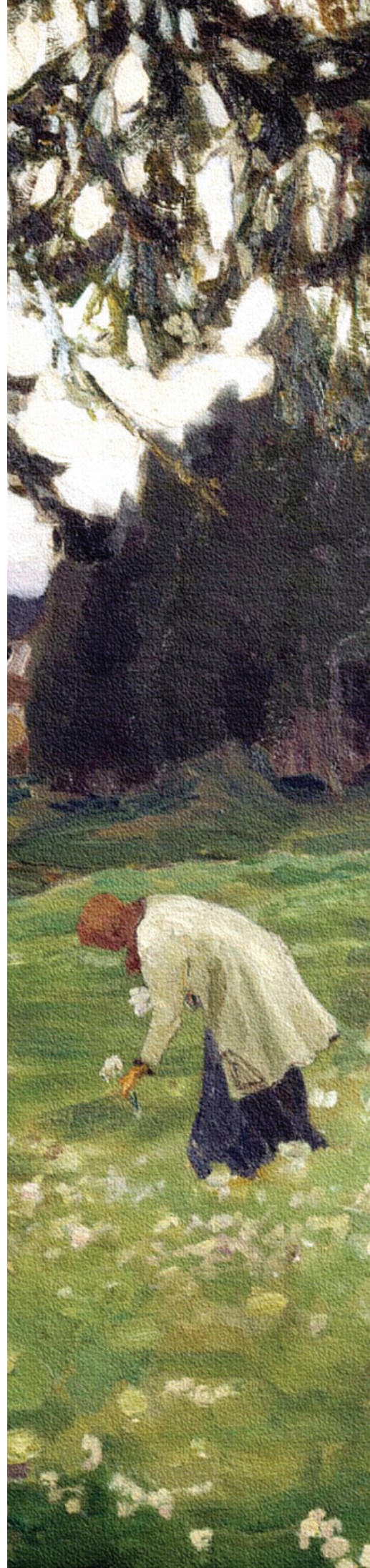
Князева М. Б.

Заимствование элементов военной формы гражданской модой после Первой мировой войны

Первая мировая война оказала существенное влияние на жизнь как европейского, так и российского общества, внесла свои коррективы в восприятие жизненных ценностей, повлияв на развитие индивидуальной и общественной культуры. Смещение понятий «мирное» и «военное» вызвало трансформацию в сознании, искусстве, образе жизни разных слоёв общества. Милитаризация социума повлияла на одежду. Элементы военного стиля активно проникли в повседневную одежду, создав предпосылки для появления новой тенденции в моде. Известно, что появление тех или иных новых элементов одежды или её отдельных форм, имеющих практическое или декоративное назначение, может придавать одежде образно-смысловое содержание. Несмотря на то, что главной задачей одежды является создание атмосферы физического и душевного комфорта для человека, который её носит, тем не менее, одновременно одежда несёт социальный посыл от человека к окружающему миру. Человек желает заявить о себе и выражает свои мысли, намерения или протест через наиболее доступные ему средства воплощения — одежду, причёску, имидж в целом.

Мода — одна из эффективнейших форм передачи информации внутри социума. Она является образцом для подражания, который отражает общественные представления, нормы поведения, особенности характера нации, народности, эпохи. Мода способна влиять на эстетическое и духовное воспитание людей, формирование их вкуса. Согласно общественным законам, мода вполне может стать ценностью и выступать в качестве компаса потребительского поведения.

Понимание моды после Первой мировой войны далеко ушло за пределы процесса эволюции одежды, что отмечается в трудах разных исследователей (М. Мерцаловой, Е. Киреевой, Ф. Пармон,

М. Килошенко и др.). В современном коммуникативном процессе мода выступает как «оператор-контролер», отбирающий информацию, придавая ей аксиологические свойства (А. Дриккер, П. Хеншель, Д. Мейнард), и как проводник идей (М. Беен, П. Карден). Именно мода является культурной парадигмой эпохи, частью развития культуры в целом.

Инновационная функция, стремление к новизне — одна из важнейших функций моды. Первая мировая война на определённое время поставила модную индустрию в «жёсткие рамки», заставила производителей и потребителей модной одежды подчиняться требованиям военного времени с экономической точки зрения. С эстетической точки зрения, инновационная функция, присущая природе моды, способствовала тому, что она поспособствовала поискам идеологии патриотизма, создав «патриотическую модель моды». Это время и стало началом появления в моде понятия «милитари», что означает — «военный». Стиль «милитари» — это раскованность, дерзость, смелость, и в то же время он может быть истолкован как признак патриотизма. Ношение одежды в стиле «милитари» получило своё распространение сразу после окончания первой мировой войны. В то время швейное производство обычной одежды было разрушено. Когда война закончилась, мужская военная форма приобрела второе рождение, превращаясь в женские халаты, рубашки, детские вещи. Вскоре фабриками стали выпускаться женские костюмы, в которых также угадывались черты офицерской формы. Можно сказать, что «милитари», как стиль послевоенной одежды, укоренился не столько как модное веяние, а скорее как вынужденная мера. Окружающая обстановка во время войны заставила женщин пересмотреть свои привычки, касающиеся одежды и причёски. Практичность и удобство взяли верх над неутилитарной эстетикой внешнего вида. Фасоны одежды и внешний вид тех, кто её носил, менялись как никогда быстро и радикально. Длина юбок неумолимо укорачивалась. А вместе с юбками уменьшалась и длина волос. Война освободила большинство женщин от рассуждений о моде, она вынудила их надеть рабочую одежду, униформу.

Все элементы, которые во все времена подчёркивали женское обаяние, остались в прошлом. Женщины, вынужденные выполнять всю

мужскую работу, просто не могли себе позволить наряжаться в длинные пышные юбки и носить корсеты. Военный стиль без всякой вычурности быстро вошёл в повседневную жизнь. И повернуть время назад было невозможно. 20-е годы XX в. стали революционными в мире моды: появились короткие стрижки, яркий макияж, обнажённые плечи и ноги, стройные фигуры, борьба за равенство с мужчинами — всё это вызывало замешательство в обществе. Война повлекла за собой настоящую революцию в моде, а также стремление женщин к эмансипации, их борьбу за равноправие с мужчинами. Женщины не хотели возвращаться к прежней жизни, ведь за время войны они освоили тяжёлые мужские профессии: заменили мужей у станков на заводах и фабриках, исполняли работу пожарных, полицейских, врачей. Такой ритм дал женщинам возможность войти совсем в другую жизнь. В моду вошёл стиль «унисекс» с брючными костюмами, что ещё в самом начале XX в. было неприемлемо для женщин.

Дерзкое вторжение женщин на территорию мужской моды стало темой творческих размышлений. Новый женский образ появился в литературе, живописи, кинематографе. Воплощениями «женственности» после войны стали образы «женщины-воительницы», покорительницы, победительницы и покровительницы. Одежда этого времени соответствовала духу времени, превратилась в знак, символизирующий достижения и подвиги.

Многочисленные фотографии произведений В. Степановой, А. Родченко, А. Гана, а также картины художников П. Кузнецова, А. Дейнеки, А. Самохвалова, Е. Кацмана документально подтверждают данный факт. Одежда в стиле «милитари» вскоре стала излюбленной одеждой молодёжи. Это вполне соответствовало и этическому идеалу той эпохи, и общероссийским тенденциям того времени (стилям «унисекс», «эмансипе» и «женщины-воина»). Таким образом, развитие российской моды после первой мировой войны отразило стремления женщин во всём «догнать» мужчин.

Мода рассматриваемого периода утвердила идею национальной консолидации на всех уровнях. Со второй половины 30-х годов XX в. идеи интернационализма и дружбы народов привели к появлению одежды с ярко выраженным национальным колоритом. Большую популярность

среди модных предметов костюма 20–30-х годов получили «косоворотки», в моду вошли «украинка», «гуцулка», «кубанка».

В этот период истории в нашей стране каждый элемент, каждый аспект моделирования одежды рассматривался в качестве инструмента влияния на общественное сознание.

Особое место в создании образцов модной одежды занимало цветовое решение костюмов. Белый цвет — тотальное модное увлечение, бесспорная доминанта в общем колорите эпохи. Белые брюки, рубашки, платья, спортивные тапочки, парусиновые туфли и ботинки, футболки, панамы и многое другое. Белоснежные формы спортивных парадов. Излюбленное женское украшение тех лет — бусы из белого жемчуга. И эта мода полностью созвучна самоидентификации советских людей тех лет. Белый — символ света, чистоты и истины, что полностью соответствовало этико-эстетическому идеалу того времени.

С тех пор советский канон моды всегда базировался на двух ключевых формулах: «просто и красиво», «скромно и красиво». Новый этический идеал общества включал в себя такие черты, как коллективизм, товарищество, сознательно принятое на себя ограничение потребностей и принципиальный отказ от любых излишеств, неприемлемых для нового образа жизни. Простота всех внешних форм быта, в том числе и одежды, выдвигались в качестве не только эстетической, но и своего рода этической нормы.

Мода 20–30-х гг. XX в. содержала в себе также компонент патриотических настроений. Впервые в истории советской моды патриотический символизм выразился в том, что одежда, декорированная элементами государственной символики, стала сотворцом образа человека. Готовность к солидарности и единству — сущностная черта русского менталитета — стала идеалом общества. Эстетические аспекты, обусловленные актуальными патриотическими ценностями, делали моду данного периода органичной человеку.

Патриотический эмоциональный заряд, заложенный с помощью моды в дизайн одежды, приобрёл особое значение и в современных условиях. Милитаризация в современной одежде проявляется в отказе от всего излишнего, вычурного, нефункционального, предпочитая рациональное, простое и удобное, то есть соответствующее образу целеустремлённого, сильного

(и духом, и телом) современного человека. Важно отметить, что мода стала проводником между социально-культурными идеями и повседневностью, оказала решительное влияние на процессы культурной динамики XX в. Мода советского периода была одобряема государством, меры, направленные на соблюдение предписаний в одежде были значимы и весомы, способствовали построению новой культурной среды.

XX в. был временем необычайного подъёма в мире моды. Одним из важных достижений этого столетия можно считать появление стиля «милитари», который стал основой всех модных тенденций этого века. Возможно, в какой-то мере, он был навеян войнами, а в какой-то мере — развивающимися молодёжными движениями, желанием молодёжи выразить себя (даже свой протест против войн) через одежду, желанием передать с помощью одежды свои взгляды, представления о мире и о своём месте в этом мире. В итоге возникают вопросы: Что несёт в себе стиль «милитари»? Как он связан с патриотизмом? Патриотизм — это мода? Или патриотизм — это норма! Какое отношение мода и стиль «милитари» имеют к теме патриотизма?

Патриотизм или патриотическое чувство выступает в качестве одного из мощных этических регуляторов социокультурного действия. Патриотическое чувство в современном обществе, выраженное в моде, становится не только идеологией (символическим инвестированием идей в общественное сознание), но и важным инструментом, катализатором социокультурных действий. Родина есть духовная реальность, а патриотизм является для человека духовным ориентиром. Человек, который любит свою страну, свой народ, который следует нормам добра и нравственности, обязательно наделён патриотическим чувством. Если он лишён Родины, будет лишён и патриотизма. Вряд ли солдаты, которые в Первую мировую войну храбро защищали свою Родину, могли подумать о том, что их фуражки, кители, гимнастёрки и сапоги станут родоначальниками одного из самых модных современных стилей под названием «милитари». Многие не раз замечали на улицах людей в одежде, раскрашенной под цвета национального флага. И таким образом можно понять, что патриотизм находится на пике популярности, что сегодня мир становится более мыслящим. Стиль «милитари» — не только «одежная» мода,

но и целая культура, посвящённая военной тематике, а через неё и теме патриотизма.

Литература

1. Балдано И. Ц. Мода XX века: Энциклопедия. М., 2002.
2. Барсукова С. Ю. Модели успеха женщин советского и постсоветского периодов: идеологическое мифотворчество // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 76–81.
3. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.
4. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 388–391.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
7. Вейс Г. История культуры народов мира. Костюм. Украшения. М., 2004.
8. Волков А. Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. 1999. № 4. С. 13.
9. Гёте И. В. К учению о цвете // Психология цвета. М., 1996. С. 324–327.
10. Горбачёва Л. М. Костюм XX века. М., 1996. С. 119–121.
11. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 3-е изд. СПб., 2004.
12. Дашкова Т. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов // Логос. 1999. № 11–12. С. 132–152.
13. Демиденко Ю. Краткий курс истории белья Советского Союза / Под ред. Е. Дёготь. М., 2000. С. 24.
14. Зиммель Г. Мода // Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996.
15. Каган М. С. Социальные функции искусства. Л., 1978.
16. Эстетическая культура советского человека / Под ред. М. С. Кагана. Л., 1976.
17. Килошенко М. Психология моды. СПб., 2001.
18. Любимова Т. Б. Мода и ценность // Мода: за и против / Под ред. Толстых В. И. М., 1973.
19. Патриотическое сознание: сущность и формирование. Новосибирск, 1985.
20. Мерцалова М. Н. Костюм разных времён и народов. М., 1993. Т. 1.
21. Некрасов Т. Лётчицы, всадницы, пулемётчицы // Работница. 1938. № 21. С. 10.

Практики самолечения российского населения

По международным сравнительным показателям российское здравоохранение после трёх десятилетий реформ по-прежнему остаётся неэффективным. ИЧР — индекс человеческого развития — учитывает среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении, среднее число лет обучения взрослых и ожидаемое число лет обучения детей и молодёжи, и индекс валового национального дохода на душу населения. По данным ООН в 2011 г. в рейтинге стран по ИЧР Россия входила в группу 187 стран с высоким значением этого показателя и занимала 66 место¹. Но если расчёт производится только с учётом двух компонентов: здравоохранения и образования, то при сравнении со странами с сопоставимыми доходами на душу населения, его значение опускается на 74 место. И как раз неэффективное здравоохранение является слабым компонентом ИЧР России. А это, в свою очередь, указывает на то, что получаемый населением доход не конвертируется в здоровье и образование, что объясняется структурой социально-экономических неравенств².

Демографические показатели здоровья населения выглядят не лучшим образом. Средняя продолжительность жизни в России в 2013 г. составила 66,05 лет — 129 место в мире. От стран-лидеров по продолжительности жизни мы отстаём более чем на 16 лет (Япония — 82,15; Франция — 81)³.

Эффективность здравоохранения оценивается ещё одним международным показателем — коэффициентом жизнестойкости населения, в котором используется более 10 параметров, среди которых: средняя продолжительность жизни, качество продуктов, детская смертность, распространённость генетических отклонений и др. Коэффициент жизнестойкости населения России, согласно данным ООН по пятибалльной шкале составляет 1,4. Показатель в 2 балла уже расценивается как сигнал к принятию срочных мер по оптимизации системы здравоохранения⁴.

Начиная с 90-х гг., состояние здоровья населения получило статус проблем национальной безопасности. На протяжении многих десятилетий это одни и те же неустраняемые пока проблемы. «Сверхсмертность» мужчин в трудоспособных возрастах, разница в продолжительности жизни мужчин и женщин остаётся очень высокой — 13,9 лет⁵ — (при жизни 1 женщины умирает 2,7 мужчин в возрасте от 15 до 60 лет); неблагоприятные показатели младенческой смертности; высокие темпы прироста социальных заболеваний, переходящих в эпидемии (туберкулёз, СПИД, наркомания). Важный показатель эффективности здравоохранения — это средняя продолжительность жизни лиц, страдающих хроническими заболеваниями. В России она составляет 12 лет, а в странах ЕС — 18–20 лет. Сегодня все возрастные группы населения — дети, молодёжь, трудоспособные и пенсионеры — относятся к группам риска по состоянию здоровья.

¹ Доклад ООН 2011. Индекс человеческого развития в странах мира 2011 года [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/11/03/3705> (дата обращения 17.02.2013).

² Горина Е. А. 2012. Индекс человеческого развития в России и других странах мира. Обзор по материалам доклада ПРООН // *Spero*. 2012. № 16. Весна-лето. С. 193–198.

³ Средняя продолжительность жизни в России и в странах мира в 2013 г. [Электронный ресурс] // *Деловая жизнь*. URL: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html> (дата обращения 15.01.2014).

⁴ Лебедева Н. М., Чирков В. И., Татарко А. Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай: монография. М., 2007. С. 281.

⁵ Средняя продолжительность жизни в России и в странах мира в 2013 г. [Электронный ресурс] // *Деловая жизнь*. URL: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html> (дата обращения 15.01.2014).

Наконец, если мы обратимся к оценкам здравоохранения со стороны населения, то и здесь, как и 20 лет назад, сталкиваемся с неудовлетворительной оценкой. Если в 2002 г. 62% опрошенных в выборке Левада-центра утверждали, что «скорее не удовлетворены системой здравоохранения», то и в 2013 г. такие ответы выбрали 67%. В 2002 г. 73% считали что «они или члены их семьи не могут получить хорошее медицинское обслуживание», в 2013 г. таких респондентов оказалось меньше, но не намного — 67%. В целом в 2013 г. 42% сочли, что качество медицинского обслуживания ухудшилось и 39% посчитали, что оно — «не изменилось»⁶.

Нерешённость старых проблем и накопление новых определяется тенденцией снижения финансирования здравоохранения в России, отстающего от внутренних потребностей и мировых стандартов. Возрастание затратности здравоохранения — общемировая тенденция. Расходы растут вследствие роста продолжительности жизни и старения населения. Но главным фактором затратности здравоохранения становится контроль хронических заболеваний, который обходится всё дороже и пациенту, и государству вследствие длительности заболеваний, постоянным обновлением дорогостоящих оборудования и лекарств. Индустриализация и техногенность среды, порождают всё новые риски для здоровья, и повышают уровень патологических явлений и процессов. Это глобальная проблема, решение которой в ближайшей перспективе не предвидится. И этот фактор определяет необходимость роста затрат на здравоохранение темпами, опережающими экономический рост. Международная практика показала, что снижение темпов роста расходов на здравоохранение, наносит государствам больший экономический ущерб, чем его поощрение. Поэтому в некоторых странах содружества ОЭСР (Организация Экономического Сотрудничества и Развития) расходы на здравоохранение растут даже в случае падения ВВП⁷.

Что касается финансирования здравоохранения в России, то по данным Минздрав-

медпрома РФ в СССР в 60-е гг. оно было выше, чем сейчас, и чем планируется в ближайшие годы — 6,6% ВВП. Некоторый подъём экономики и последующая стабилизация не переломили тенденцию: в 2005 г. — было выделено 3,2%, в 2007–3,5%, в 2010–5,5% ВВП, в 2013 г. — 3,8% ВВП⁸.

Ситуация с дефицитом финансов на здравоохранение, по мнению экспертов, будет существовать долго. «В России на здравоохранение тратится 5,2% ВВП (это было в 2010 г.), в том числе, 3,4% — это госрасходы. В США на эти цели тратится 16% ВВП, это по паритету покупательной способности — примерно весь ВВП России. А для стран ЕС показатель — 8–11% ВВП, при том, что 6–9% — это госрасходы. В России этот показатель в четыре раза меньше, чем в ЕС, поскольку в Европе в два раза больше ВВП на душу населения. И чтобы к 2020 г. достичь уровня ЕС, России нужно увеличивать расходы на здравоохранение ежегодно процентов на пятнадцать»⁹.

Проблема неравенств в получении медицинских услуг будет нарастать вслед за ростом неравенств доходов среди населения. За последний период времени рост объёма реальных доходов 20% самых обеспеченных в процентах к общему объёму за годы реформ составил почти 25%, в то время как для 20% «бедных» объём реальных доходов снизился почти на 18%. А это означает, что богатые группы населения будут иметь институциональные преимущества, что позволит им «перетягивать» эффекты экономического роста на себя¹⁰.

Таким образом, реформирование российского здравоохранения протекает в условиях низкого финансирования, привлечения населения к соплатежам медицинских услуг и роста

⁶ Общественное мнение — 2013. Ежегодник [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/books/obshchestvennoe-mnenie-2013>. С. 76. (дата обращения 20.01.2014).

⁷ Садовничий В. А., Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире. М., 2012. С. 27.

⁸ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (распоряжение Правительства РФ № 1662-р от 13.10.2008 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=law; n=90601> (дата обращения 15.02.2013).

⁹ Яковсон Л. Форум «Россия и мир: в поисках инновационной стратегии — 2011» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hse.ru/news/recent/27615371.html> (дата обращения 01.03.2012).

¹⁰ Шеяков А. Ю.. Мифы и реалии социальной политики [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 66. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2010_01/shevyakov.pdf (дата обращения 10.02.2013).

неравенств в их доступности для широких масс населения.

Ввиду роста затратности здравоохранения международный опыт поиска его оптимальных моделей склонился в пользу такой модели, где наибольший объём медицинских и профилактических услуг предоставляется в учреждениях первичной помощи. Заболевания проще и дешевле предупредить на ранних стадиях, чем лечить. Поэтому целью реформ здравоохранения является укрепление первичной помощи. Однако, несмотря на организационные и финансовые усилия государства по реорганизации первичной помощи на протяжении всего периода реформ в России наблюдается явление отказа более половины нуждающихся от медицинских услуг именно учреждений первичной помощи. Об устойчивости этой тенденции свидетельствуют данные проанализированных нами 27 социологических и социально-гигиенических исследований и мониторингов социологических агентств за последние 15 лет.

Доступность услуг поликлиник снижена практически во всех социально-экономических и демографических группах населения.

Во-первых, из-за большой потери времени в условиях сложившейся организации предоставления услуг это относится к занятому (работающему или обучающемуся) населению.

Во-вторых, доступность снижена для низкодходных групп населения из-за постоянного роста тарифов платных услуг на диагностику, лечение, реабилитацию и дорогие лекарства.

В-третьих, доступность услуг снижается с возрастом пациентов из-за ухудшения здоровья и роста числа хронических заболеваний, т.е. усиливается действие первых двух факторов.

Наконец, для сельского населения с грунтовыми дорогами, нерегулярным и дорогим транспортным сообщением, территориальной удалённостью поликлиник проблема доступности носит характер тотального исключения из сферы медицинского обслуживания.

Таким образом, наибольшие трудности в получении доступа к услугам первичной помощи концентрируются в низкодходных группах пожилых людей, проживающих в сельской местности. И это те группы населения, у которых самый высокий уровень потребности в медицинских услугах.

Отказ населения от медицинских услуг ведёт к практикам самолечения. Высокая распространённость самолечения подтверждается уже давно. Многолетний мониторинг института имени Н. А. Семашко показал, что основная масса больных откладывают обращение к врачу, а 70% из них начинают лечиться самостоятельно¹¹. По данным опросов ФОМ, 52% респондентов, предпочитающих лечиться самостоятельно, обращаются за медицинской помощью лишь в самом крайнем случае, который приводит пациента не в поликлинику, а сразу в стационар. При том что на уровне установок самолечение не одобряют 53% опрошенных, тем не менее, только 10% сказали, что им приходилось когда-либо сожалеть о самолечении, большинство же (54%) не жалели. Это подтверждает вынужденный характер самолечения¹². Опрос 4 тыс. респондентов, проведённый Минсоцразвитием показал примерно те же данные, что и опрос ФОМа¹³. Среди сельского населения практики самолечения давно уже стали всеобщей нормой¹⁴.

Самолечение (то есть самостоятельная постановка диагноза и выбор лечения потенциальным пациентом) как стратегия поведения населения растёт, опираясь на определённые ресурсы. В случае самолечения респонденты полагаются на собственный опыт (42%), полученные ранее рекомендации врачей (32%), советы близких и друзей (29%), на рекомендации аптекарей (15%) и народных целителей (7%), а также на советы врачей или народных целителей в СМИ (по 6%)¹⁵.

В 90-е годы в стране появилась масса популярной медицинской литературы, которая стала питательной средой самолечения. Такую же

¹¹ См.: Максимова Т. Н. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М., 2002.

¹² Самолечение: распространённость практики. Опрос 13.09.2008 г. [Электронный ресурс] // ФОМнибус. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/healthca/d083723 (дата обращения 17.09.2011).

¹³ Опрос населения 19.12.2011. [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения и социального развития РФ. URL: <http://www.minzdravsoc.ru> (дата обращения 10.02.2013).

¹⁴ Мусин И. Т., Яруллин М. А. Удовлетворённость сельского населения качеством оказания доврачебной медицинской помощью // Здравоохранение Российской Федерации. 2004. № 5.

¹⁵ Самолечение: распространённость практики. Опрос 13.09. 2008 г. [Электронный ресурс] // ФОМнибус. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/healthca/d083723 (дата обращения 17.09.2011).

роль выполняла фармакологическая реклама и аннотации к лекарствам. И, конечно же, самым распространённым ресурсом самолечения стали СМИ. Все виды СМИ проявляют гибкость и расторопность в борьбе за пациента, успешно поднимая рейтинги и тиражи за счёт предоставления широкого спектра медицинской информации, начиная от личного опыта простых обывателей — участников ток-шоу, привлекая различного толка целителей и до информации официальной медицины. Медицинские ток-шоу есть на каждом канале ТВ, потому что имеют самые высокие рейтинги. Они могут нести и полезную для потребителя информацию, но если перед ними стоит задача привлечь как можно больше слушателей и читателей, они любым способом расширяют информационное поле, так как не несут ответственности за то, что их информацией пользуются люди, которые сами ставят себе диагнозы.

Приложения или рубрики ряда газет, в которых имеется огромное количество материалов о здоровье («Комсомольская правда», «АиФ», «Труд», «Семья», «Вестник ЗОЖ», «Ветеран» и др.) стали справочными пособиями по самолечению для людей со скромным достатком. Кого представляют СМИ: официальную медицину, народную медицину, нетрадиционные методы лечения, фармакологические фирмы? Эти вопросы требуют специального изучения, что бы понять, какие последствия от рекламы возможны для населения.

Ещё одним информационным ресурсом самолечения стали аптеки, работники которых, по мнению респондентов качественных исследований, разбираются в разросшемся рынке фармакологической продукции лучше, чем врачи. Их опыт не только приравнивается к профессиональным знаниям врачей, но и рассматривается как более доступный, а порою и более качественный. Похоже, что аптеки из торгового медицинского учреждения превратились в альтернативу первичной помощи. Возможно, этот информационный источник процветает за счёт неэффективности поликлиник. Аптеки как источник информации пользуются популярностью не только у пенсионеров, которые надеются подобрать там более дешёвые препараты, но и у молодых людей — меньше затраты времени!

Интернет стал не только информационным ресурсом, но и видом виртуального лече-

ния. Достаточно вбить в поисковое окно название болезни, описание симптомов — и перед вами предстанут десятки страниц с советами и от блогеров, и от врачей. Сложились виртуальные сети носителей симптоматики и заболеваний по видам патологий. Можно получать рекомендации от практикующих врачей с учёными степенями из видных медицинских центров, если описать симптомы и результаты диагностики. При этом давность диагностики может не указываться. Если врач проявляет осторожность и не даёт точных рекомендаций, а советует всё же показаться к специалисту, то у пользователей такая сдержанная осторожность вызывает раздражение, странички таких врачей пустеют. Несомненно, что Интернет облегчает общение врачей и пациентов. Есть странички, на которых врачи общаются со своими пациентами, которых уже знают, сделали им операции и отвечают на вопросы, появившиеся в послеоперационный период. Несомненно, и то, что виртуальное общение пациента и врача строится на доброжелательной основе и исключает грубость и раздражение, с которыми пациенты сталкиваются в медицинских учреждениях при реальном общении. Но, все ли вопросы можно решать заочно, не видя пациента? Виртуальное общение врача и пациента, конечно же, требует регламентации со стороны медицинских экспертов. Имеет ли право здравоохранение обходить молчанием виртуальное лечение? Это проблема, требующая специальных исследований.

В последние два десятилетия разрослось так называемое «народное целительство». Мы не ставим задачу систематизации видов неофициальной медицины и оценки адекватности их лечебным задачам. Это и фитотерапия, и целительство с использованием магических ритуалов и что-то ещё. С научной точки зрения важнее выделить причины, по которым население столь широко стало обращаться к неофициальной медицине. Среди мотивов обращения: в первую очередь, материальная доступность услуг. Во вторую очередь — внимание к личности и проблемам пациента со стороны целителя, на которое пациент не может рассчитывать в поликлиниках. В-третьих, целительство, как правило, опирается на целостный подход к организму пациента. С точки зрения пациента, это избавляет его от рутины координации терапевтической и специализированной помощи в по-

ликлиниках. Пациенты уважительно относятся и ценят «природность» средств, в противовес фармакологической химии. Они считают, что было бы лучше, чтобы официальная медицина использовала натуральные свойства средств народной медицины.

Многие авторы сходятся во мнении, что обращение к неофициальной медицине растёт, тем более что все виды СМИ широко её рекламируют. И если раньше к ней обращались неудовлетворённые официальной медициной низы, то теперь она начинает обслуживать и социальные верхи¹⁶.

Явление самолечения населения в такой степени распространённости несёт в себе огромные риски и для здоровья населения, и для самой системы здравоохранения. Очевидно, что все виды самолечения оставляют человека, практикующего его вне правовой защиты. Именно распространённость самолечения приводит страну к высоким показателям предотвратимой смертности. Вклад предотвратимой смертности в общую смертность населения в странах ЕС колеблется от 10 до 30%, а в России в 2005 г. среднероссийский показатель достигал 60%¹⁷. «По данным ВОЗ в 2007 г. в 23 странах с низким и средним доходом на душу населения (Мексика, Индия, ЮАР, Россия, Бразилия и др.) до 80% случаев смерти (особенно в молодых и трудоспособных возрастах) вызвано болезнями и состояниями, которые можно предотвратить, если вовремя получать медицинскую помощь¹⁸.

¹⁶ См.: Чебанов С. В. Петербург. Россия. Социум. Вильнюс: AB VLANI, 2004.

¹⁷ Комаров Ю. К вопросу о «Концепции развития Здравоохранения РФ до 2020». 2009. [Электронный ресурс] // URL: <http://komarov.viperson.ru/wind.php?ID=544829&soch=1> (дата обращения 17.12.2011).

¹⁸ Михайлова Ю. В. Применение концепции предотвратимой смертности для оценки ситуации в России [Элек-

В заключение следует обратить внимание на два обстоятельства. Неудовлетворённость системами здравоохранения, услугами здравоохранения отмечается во всех без исключения странах, и тут нет ничего удивительного. Вопрос в том, какие группы населения затрагивает этот показатель и как широко распространена неудовлетворённость. Растёт и явление отказа от медицинских услуг. Растёт формирование социальных сетей реальных и виртуальных, в которых участвуют, кстати, и врачи, и в которых также накапливается опыт самолечения. Это — так называемое явление медицинского диссидентства. Но тут важно тщательно изучать мотивацию и уровень самосохранительной культуры населения, вовлечённого в эти процессы. Западное медицинское диссидентство вербуется из пациентов с высоким уровнем образования, высокой культурой самосохранения, опирающейся на фундаментальную, высокую ценность здоровья, на высокий уровень грамотности и информированности в сфере проблем здоровья. Явление растёт в ответ на неудовлетворённость профессиональной компетентностью врачей, неспособность их к целостному восприятию и лечению всего организма, а не устранению симптоматики одного заболевания.

В нашей практике большинство людей, практикующих самолечение, обладает низкой культурой самосохранения, отсутствием понимания инструментальной ценности здоровья, которое позволяет его эксплуатировать ради достижения других жизненно важных целей.

тронный ресурс] // Федеральный справочник. 2010. Т. 10. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2010/II/z10-mihaylova%281%29.pdf> (дата обращения 10.02.2013).

АННОТАЦИИ / SUMMARY

Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики.

Модерн — обозначение исторического периода, начало которого связывают с Новым временем. При использовании терминологической пары модернизм/постмодернизм «постмодернизм» предстаёт в качестве некоего проекта или программы, противостоящей «модернистскому» проекту. Подобная трактовка постмодернизма противоречит, однако, его основной интенции, а именно: воздержанию от построения каких-либо программ вообще. Префикс «пост» указывает на переходный период, в котором мы живём.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, реальность, истина, глобализация, мобильность, потребление, Просвещение, прогресс.

V. N. Volkov. Postmodern and its basic characteristics.

Modern designation of the historic period, the beginning of which is associated with a New time. When using terminology pair modernism/postmodernism «postmodernism» appears in the quality of a project or program, opposing «modernist» project. This interpretation of postmodernism contrary, however, his primary intention, namely, to refrain from constructing any programs at all. The prefix «post» indicates a period of transition in which we live

Key words: modernity, postmodernity, reality, truth, globalization, mobility, consumption, education, progress.

Вернигорова Е. С. Категория красоты в искусстве как отражение божественного начала в эстетической концепции В. С. Соловьёва.

В статье рассмотрены отдельные аспекты эстетических взглядов русского философа, эстетика, религиозного мыслителя В. С. Соловьёва.

Ключевые слова: искусство, красота, божественное начало, всеединство.

E. S. Vernigorova. Category of beauty in art as a reflection of the divine principle in aesthetic concept V. S. Solovyov.

The article discusses some aspects of the aesthetic views of Russian philosophy, aesthetics, religious thinker Vladimir Soloviev.

Keywords: art, beauty, divinity, unity.

Климов А. Г. Династия Романовых и модернизация в России.

В статье рассматриваются формы влияния династии Романовых на модернизацию в России как системный процесс замещения традиционных моделей социального порядка. На основании качественного анализа особенностей влияния династии на такие выделенные волны модернизации, как наступление Нового времени (1); формирование индустриального общества (2); формирование информационного общества потребления (3); формирование постмодернистского общества потребления (4); установление параллельного существования официальных и неофициальных регулятивных механизмов (5), определены основания оценки её вклада в российскую модернизацию. Также задаётся различие непосредственного участия династии в модернизации в первых трёх волнах и опосредствованного — в формирование постмодернистского общества потребления и согласовании официальных и неофициальных форм регуляции.

Ключевые слова: модернизация, волна модернизации, династия, субъект власти, организующее начало социального порядка, информационное поле, образцы согласования интересов, неспецифическое опосредствованное влияние, социокультурный эффект.

A. G. Klimov. The Romanov dynasty and modernization in Russia.

The article deals with the forms of influence on the modernization of the Romanov dynasty in Russia as a systemic process of replacing traditional models of social order. Based on qualitative analysis of the impact of features such as dynasty marked wave of modernization, as an attack of modern times (1), the formation of industrial society (2) the information society of consumption (3), the formation of postmodern consumer society (4) the establishment of a parallel existence of formal and informal regulatory mechanisms (5). Also, given the difference of direct participation in the modernization of the dynasty in the first three waves and mediated — the formation of postmodern consumer society and harmonize formal and informal forms of regulation.

Keywords: modernization, modernity wave, dynasty, subject of power, organizing principle of social order, information field, samples of coordination of interests, nonspecific indirect influence, socio-cultural effect.

Касперович К. К.: «Красота Алупки, её великолепный дворец, парки всегда привлекали внимание путешественников...»

Интервью с заместителем директора Алупкинського дворцово-паркового музея-заповедника К. К. Касперовичем посвящено истории, современности и перспективам музейной и выставочной деятельности дворца. Интервью раскрывает роль династии Воронцовых-Дашковых в развитии Алупки и Крыма, знакомит с трудной судьбой дворца-музея в последнее столетие, рассказывает об усилиях музейных работников по созданию и развитию музейной экспозиции.

Ключевые слова: Алупкинський музей, Алупка, Крым, Воронцов.

K. K. Kasperovich: «The beauty of Alupka, its magnificent palace, the parks have always attracted the attention of travelers...»

The interview with the Deputy Director of the Alupka's Palace and National Park Museum K. K. Kasperovich is devoted to the history, the present period and to the future perspectives of the museum and exhibition activities of the palace. This interview presents the character of the dynasty Vorontsov-Dashkovs, their numerous activities in developing Alupka and Crimea, it tells about the difficult life of the Palace Museum in the last century, and it shows the efforts of the staff to create and continuously improve the museum's exhibition.

Keywords: Museum of Alupka, Alupka, Crimea, Vorontsov.

Хотько Е. Г. Характер и формы проявления русской ярмарочной культуры прошлого.

Рассмотрена одна из форм русской ярмарочной культуры — празднично-площадной фольклор. Ярмарочный фольклор был своеобразной формой рекламной практики прошлого. Он отражал характер экономических, нравственных, художественных предпочтений и интересов посетителей ярмарок. Он был предтечей многих современных форм рекламной практики.

Ключевые слова: Ярмарка, фольклор, ярмарочная культура, «выкрики», «зазывы».

E. G. Khotko. The nature and manifestations of russian folk culture of the past.

Considered one of the forms of Russian folk culture — holiday-area folklore. Fair folklore was a peculiar form of advertising practice of the past. It reflected the nature of economic, moral, artistic preferences and interests of the visitors of the fairs. He was the forerunner of many modern forms of advertising practice.

Keywords: fair, folklore, folk culture, «crying», «sazby».

Новосельский Е. А. Опыт интерпретации народного календаря в контексте культурогенеза.

Роль календарей в жизни разных народов в истории культуры. Характер разного типа календарей и их связь с циклами жизнедеятельности. Роль языческих и христианских календарных обрядов.

Ключевые слова: календарь, типы календарей в истории культуры, связь материальной и духовной жизни с календарями.

E. A. Novoselski. The experience of the interpretation of the folk calendar in the context of cultural genesis.

The Role of calendars in the lives of different people in the history of culture. The nature of different types of calendars and their relationship with the cycles of life activity. The role of pagan and Christian calendar.

Keywords: calendar, types of calendars in the history of culture, communication material and spiritual life of calendars.

Иванова-Лукьянова Г.Н. М. В. Панов в калейдоскопе воспоминаний.

В воспоминаниях ученицы известного ученого-филолога сохранился образ не только требовательного научного руководителя, но и человека большой души, по-русски гостеприимного, творчески разносторонне одаренного.

Ключевые слова: анализ интонаций русского языка, теоретические споры, филологический кружок, творческие собрания.

G. N. Ivanova-Lukyanova. M. V. Panov in a kaleidoscope of memories.

In the memories of the student of the famous scientist-philologist preserved not only demanding supervisor, but also a person of great soul, Russian hospitable, creative, versatile gifted.

Keywords: analysis of inflections of the Russian language, theoretical disputes philological circle, creative meetings.

Сребрянская Н. А. О, великий, могучий, многострадальный русский язык!

В статье рассматриваются тенденции последних лет к искажению значения слов русского языка, т.е. к десемантизации известных слов. Десемантизация применяется чиновниками, идеологами и политиками с целью манипулирования сознанием людей и введения их в заблуждение. Наряду с десемантизацией в русском языке происходят и другие негативные процессы и явления: значительная жаргонизация русского языка, переизбыток англицизмов, универбация, проникновение нецензурных слов в публичную речь. Эти процессы в значительной степени отрицательно влияют на русский язык. Проводится параллель с Новоязом Дж. Оруэлла; сравнивается великая духовная роль русского языка, отмечаемая И. С. Тургеневым, и сегодняшнее его состояние.

Ключевые слова: русский язык, десемантизация, Новояз, Дж. Оруэлл, И. С. Тургенев, языковое манипулирование, речевое воздействие на сознание.

N. A. Srebryanskaya. Oh, great powerful long-suffering Russian language!

The article focuses on the tendencies of the latest years of politicians and ideologists to use words in the meaning which is much different from their real meaning. This phenomenon is treated by linguists as desamentization. This technique is used with the aim to hide their real goals, to change the way common people perceive the reality and to manipulate their opinion. This technique is damaging the Russian language. Besides the Russian language is polluted with widely spread slang and jargon, numerous borrowing from English, penetration of unquotable and unprintable words to public speeches and mass media. These phenomena and processes produce a negative effect on the Russian language as they are being assimilated by the language. Parallel with the Orwell's Newspeak is drawn. The great spiritual role of the Russian language, noted by I. S. Turgenev is compared with its modern state.

Keywords: Russian language, desamentization, Newspeak, G. Orwell, manipulative techniques, influencing public consciousness, I. S. Turgenev.

Бондарева Н. И. Малые жанры фольклора на сельской свадьбе в начале XX века.

Обряд сельской свадьбы уникален. В современной свадьбе села Вышние Пены Ракитянского района Белгородской области в большей степени сохранились малые жанры фольклора. А каждый этап свадебного обряда имел свои определённые правила и порядок, своё фольклорное сопровождение.

Ключевые слова: свадьба, жених, невеста, подруги, гости, молодые, приданое, застолье.

N. I. Bondareva. Small genres of folklore at the country wedding in the early XX century.

The rite of the rural wedding is unique. In the modern wedding of the village Visni Peni Rakitski district of Belgorod region remained genres of folklore. Every step of the wedding ceremony had its own specific rules and orders, its folklore accompaniment.

Keywords: the wedding, the groom, the bride, her friends, guests, young, dowry, feast.

Кузнецова Н. С. Мифопоэтическая основа южнорусских «кузьмодемьянских» песен.

Работа раскрывает один из широкого круга вопросов, связанных с исторической интерпретацией славянских культурных текстов. Стержневой является проблема претворения образов христианских святых Космы и Дамиана в свадебных обрядовых напевах южнорусского региона.

Ключевые слова: святые Древней Руси, свадебные песни, южнорусская песенная традиция.

N. S. Kusnetsova. Mythopoethic basis of South Russian «kosmadamian» songs.

The Work reveals a wide range of problems which are connected with the historical interpretation of the Slavic cultural texts. The core problem is realizing images of Christian saints Cosmas and Damian in the wedding ritual chants of the southern Russian region.

Keywords: saints of ancient Russia, wedding songs, South Russian tradition of performing songs.

Князева М. Б. Заимствование элементов военной формы гражданской модой после Первой мировой войны.

Первая мировая война оказала влияние на моду, внесла новые элементы в одежду, породила явление унисекс, став проводником патриотических настроений в гражданском обществе.

Ключевые слова: Первая мировая война, мода, экономические трудности, использование военной одежды мирными жителями, новая мода.

Knyazeva M. B. Borrowing elements of civil military form fashion after the First World War.

The First World War had an impact on fashion, introduced new elements to the clothes, unisex spawned phenomenon, becoming conductor patriotic sentiments in civil society.

Keywords: the First World War, fashion, economic difficulties, the use of military clothing civilians, the new fashion.

Шилова Л. С. Практики самолечения российского населения.

Недоступность медицинских услуг по ряду критериев порождает у большей части населения отказ от таких услуг. Вследствие этого широкое распространение получили практики самолечения, которые по причине негативных последствий, влияют на снижение показателей уровня здоровья населения страны.

Ключевые слова: первичная медицинская помощь, пациенты, доступность, самосохранительное поведение, самолечение.

Inaccessibility of medical services in a number of criteria generates at more parts of the population refusal of medical services. Owing to, a wide circulation have received self-treatment practice, which bring the essential contribution to decrease in level of health of the population.

Keywords: primary health care, patients, availability, self-preservation behavior, self-treatment.

НАШИ АВТОРЫ

Бондарева Надежда Ивановна – заместитель директора по УВР Вышнепенской сельской школы Ракитянского района Белгородской области.

Вернигорова Евгения Сергеевна – аспирант Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Иванова-Лукьянова Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности Государственного лингвистического университета.

Касперович Константин Константинович – зам. директора Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника, заслуженный работник культуры Украины и АР Крым.

Климов Алексей Григорьевич – кандидат социологических наук, доцент, профессор ГАСК, почётный работник высшего профессионального образования РФ, зав. кафедрой теории и истории культуры ГАСК.

Князева Майя Будуевна – аспирант Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Кузнецова Наталья Станиславовна – научный сотрудник отдела научно-методического и информационного обеспечения ГБУК «Белгородский государственный музей народной культуры».

Новосельский Евгений Аркадьевич – зав. отделом народного творчества районного Дома культуры г. Юрьев-Польский Владимирской области.

Сребрянская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета.

Хотько Елена Геннадьевна – аспирант Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма.

Шилова Людмила Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии РАН.

Публикация в научно-информационном журнале «Культурное наследие России»

(журнал выходит 4 раза в год)

Основные рубрики: «Культура регионов»; «Методы и методология исследования культурных процессов»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Духовное наследие и культура»; «Жизнь религиозных конфессий»; «Культура, искусство, образование: история и современность»; «Культурное наследие мира»; «Культура повседневности» и др.

Требования к оформлению статей

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана

- К рассмотрению принимаются **не опубликованные ранее статьи**.
- Автор представляет статью в формате DOC, DOCX на электронном носителе или по электронной почте: **knaros@yandex.ru**.
- Общий объём статьи: **не более 0,5 п.л. (20 000 знаков)**.
- Формат страницы – **A4**.
- Поля – **2 см**.
- Фамилия автора – **выравнивание влево, курсив**.
- Название статьи – **выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы**.
- Основной текст: шрифт **Times New Roman**; кегль – **14 пт**; межстрочный интервал – **1,5**; абзацный отступ – **1,25**; **выравнивание по ширине**.
- Сноски: **постраничные, созданные средствами Word** (т.е. Меню – Ссылки – Вставить сноску), **сквозная нумерация**. Шрифт сносок – **Times New Roman**, кегль – **12 пт**, межстрочный интервал – **1,5**; абзацный отступ – **1,25**; **выравнивание по ширине**.
- В конце статьи располагается список использованной литературы.
- Иллюстрации представляются отдельными файлами. Формат файлов – **TIFF, JPG, JPEG**.

Обязательные приложения к статье:

Сведения об авторе: **фамилия, имя, отчество (полностью)**; учёная степень, звание; почётные звания; должность и место работы; **контактный телефон**; **адрес электронной почты**.

Аннотация на русском и английском языках (5-8 строк), включая перевод фамилии и названия статьи; **ключевые слова на русском и английском языках (5-8)**.

Статьи публикуются бесплатно.

Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.